

Вячеслав Владимирович Жуков

Призвание – опер

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3134525
Призвание – опер. Киллер для мента: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-06957-7

Аннотация

Капитан Туманов – опер бывалый. Тем обиднее, что его подставили, как последнего лоха: опоили наркотой, сунули ствол в руки и подписали на мокруху. Чтобы разобраться, пришлось уйти в бега. Оказалось, крутые люди наехали на капитана. И самый опасный – старый вор Мономах. Опер перешел ему дорогу. Миром им не разойтись. Оба поставили на кон – жизнь.

Ранее книга «Призвание – опер» выходила под названием «Добро с кулаками».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	9
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	31
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Вячеслав Жуков

Призвание – опер

Глава 1

День начался как обычно. В половине восьмого подъем и непереносимое обливание холодной водой. Эта привычка начинать утро так осталась еще с армии, и вот уже на протяжении десяти лет Федор ей не изменял. Каждое утро, ровно без пятнадцати восемь, он входил в ванну, где выливал на себя целое ведро воды. Ощущение непередаваемое. Сначала захватывает дух и, кажется, кровь застывает в жилах, превращается в подобие льда, а душа покидает брэнное тело вместе с убегающей водой. Зато через секунду-другую все внутри наполняется живительной силой, и уже чувствуешь себя, словно заново появился на свет.

Конечно, по правилам, это следовало бы делать во дворе, на свежем воздухе, как рекомендовал Порфирий Иванов. Но Федор решил ограничиться ванной, чтобы не будоражить воображение соседей. Неправильно поймут. И такое же неправильное мнение сложится о нем.

После обливания был обязательный плотный завтрак. Даже если не было аппетита, Федор вталкивал в себя большую тарелку овсяной каши с изюмом, запивая ее чашкой кофе с двумя-тремя бутербродами с сыром. Зато потом он мог не принимать пищи до самого вечера, что при его работе случалось довольно часто, и при этом чувствовать себя вполне сытым.

Ровно в половине девятого Федор Туманов был в Управлении уголовного розыска, где вот уже десять лет работал в должности оперуполномоченного уголовного розыска. И причем работал неплохо, за что неоднократно поощрялся руководством. Если бы не его ершистый характер, он мог возглавить отдел, но в силу таких качеств, как неуживчивость с начальством и излишняя прямолинейность, которая была многим не по душе, смог дотянуть всего лишь до старшего опера. И то благодаря покровительству своего давнего приятеля подполковника Серебров, начальника по кадрам. Они в чем-то были очень похожи. Серебров тоже частенько резал правду-матку в глаза. Но в отличие от Федора он был кадровиком и не владел и половиной той секретной информации, в курсе которой был его приятель.

Но начальник отдела кадров сумел убедить вышестоящее руководство, что Туманов заслуживает большего, чем быть просто опером. И тогда Федора поставили старшим и тут же прибавили к его трем звездочкам на погонах еще одну.

За пультом в дежурной части сидел один офицер, старший лейтенант Володин, без помощника, что категорически запрещалось приказом начальника управления. Да и по утрам обычно в дежурке, как на хорошем базаре, не протолкнешься. Участковые, оперативники – все заходят сюда узнать, как прошли сутки и что произошло криминального. Пока не покажется начальник управления генерал-майор Семенюк. Тогда все лишние из дежурки улепетывают, как тараканы по щелям.

Похоже, сегодня это уже произошло. Лишнее подтверждение тому сам дежурный офицер Володин. Сидит за пультом весь красный, издерганный.

Едва Федор показался в коридоре, Володин, ошалев от счастья, замахал ему рукой. В другой он держал телефонную трубку.

– Здорово, Володин, – протянул Туманов руку для приветствия. – Смотрю, запарился ты. Вон мордашка какая, хоть прикуривай.

Володин глянул на него, как на спасителя, посланного с небес, и пожаловался:

– Опять втык от Ваню получил, – назвал он Ивана Ивановича Семенюка кличкой, которая к нему прилипла в управлении. Старику не раз доносили про тех, кто называл его так. Потом у этих сотрудников возникали неприятности. Но Володин знал, Федор не из стукачей.

– Слушай, Федя, как друга тебя прошу. Выручи. Группа у меня на выезде. Даже помощника отправил на вызов. Сейчас смену сдавать, а тут с улицы Куприянова позвонили. Какой-то инвалид там откидывает копыта. Я тебя умоляю, Федя. Слетай ты Христа ради на эту улицу. Глянь, чего там. Опроси инвалида быстренько, пока он душу не отдал. А, Федя? Я думаю, там без криминала. У кого рука поднимется на инвалида? Ты с него возьми объясненьице. Мол, случилось все по собственной неосторожности. Ты меня понимаешь, Федя? На кой черт с инвалидом возиться? Забот, что ли, у нас других нет? Выручи, Федя? Ну, сам видишь мое положение. Ваню взелся. Выгонит меня к чертовой матери. Помоги, Федя. Умоляю, – взмолился старлей, едва не всхлипнув.

Федор стоял в раздумье. Ну, Володин дает. Как обухом по голове. Уж лучше бы и не заходить в дежурку. Зашел спросить, как дела, а тут на тебе. Своих дел полно, а он еще инвалида подсовывает. Возись с ним. А если там криминал?

Этот вопрос Федор и задал дежурному. Но старший лейтенант только рукой махнул, давая понять, что там дело пустяковое.

– Да какой криминал, Федя? Женщина позвонила, сказала, он на инвалидной коляске упал. Алкаш безногий. Такому кефир сосать нельзя, а он, сволочь, водку пьет.

– А куда его понесло с утра пораньше? – спросил Федор, мысленно прикидывая, сколько по времени езды до улицы Куприянова. Получалось по его прикидке минут десять, пятнадцать. Это не так уж и много. Хотя ехать не хотелось, но пожалел Володина. Противное качество. Других выручаешь, а себе только проблемы создаешь. В этом Федор убеждался не раз.

– Он небось за водкой покатыл, – гудел над ухом суетливый старший лейтенант, высказывая свое предположение. – Они ведь знаешь как? С вечера обожрутся. Продрыхнут ночью. А утром похмеляться надо. Наверняка в лавку жизни за живительной микстурой поехал. – Володин щелкнул себя по горлу и сказал умоляюще: – Пока он еще богу душу не отдал, съезди, Федя?!

– Ладно, черт с тобой! Все равно ведь просто так не отвяжешься. Съезжу. Только на чем? Давай машину, – потребовал Федор, для себя определив: если в данный момент у Володина под рукой не окажется машины, пусть тогда просит кого-нибудь другого. Даже где-то в глубине души надеялся, что вызов сорвется. Отказать вроде неудобно, но и ехать неохота. Да и, по правде сказать, с инвалидом этим может получиться одна морока. Володину лишь бы от себя отпихнуть, свалить на Федора, как на старшего опера.

– Федя, дорогой, – старший лейтенант чуть целоваться не полез от радости, – будет для тебя машина. – Он схватил трубку, набрал номер гаража и, захлебываясь от переполнявшего восторга, заорал: – Юранов?! Срочно машину к подъезду! Поедешь с капитаном Тумановым.

Из трубки послышалось недовольное бормотание. Но старший лейтенант Володин сразу пресек недовольство:

– Юранов, чтоб через минуту твой «луноход» стоял у выхода. Иначе получишь на всю катушку. Сечешь, о чем я толкую? Ну так выполняй скоренько. А думать за тебя начальство будет. А кто у тебя начальник? Правильно понимаешь, я. И я тебе приказываю. – Он положил трубку и повернулся к Федору. – Выходи. Он сейчас подъедет.

Глава 2

Возле гранитного парапета, накрепко сцепившего берег реки, валялась перевернутая инвалидная коляска, а рядом в луже крови ее безногий хозяин с разбитой головой. Он был одет в заношенный пятнистый камуфляж, скорее всего когда-то привезенный из армии. Так, во всяком случае, показалось Федору, потому что на плечах остались следы от отпоротых погон, а на рукавах следы от нашивок.

Человек лежал на спине, и его застывшие глаза были устремлены в небо, где под ослепительно ярким солнцем в беспорядочном хороводе кружили три чайки. Он словно завидовал их легкости, с которой они, почти не взмахивая крыльями, могли парить в воздухе. А его обремененная мирскими заботами душа не могла оторваться от тела и тягостно дожидалась последнего вдоха, чтобы только тогда преодолеть земное тяготение и взмыть в небесное пространство так же легко и беззаботно, как эти белокрылые птицы.

Туманов пожалел, что нет свидетелей, которые смогли бы мало-мальски объяснить, что здесь случилось. Да и проще было бы, а теперь возись с этим замухрышкой. Ну, Володин, удружил так удружил.

Он присел рядом на корточки, пытаясь заглянуть в глаза инвалиду.

– Эй, служивый? Ты живой?

Под волосами на голове инвалида была большая рана, в которой что-то красноватое, покрытое кровеносными сосудами, пульсировало, и при каждом толчке оттуда вытекала кровь.

«Нет. Он не жилец», – для себя решил Федор, сочувствуя пострадавшему. Ни о какой первой помощи при такой открытой ране не могло идти и речи. Он опер, а не специалист по трепанации черепа.

Еще в глаза бросились кровоподтеки на лице и разбитая губа. Нет, никак бедолага не мог заполучить все это при падении. А значит...

Кто-то поработал над его физиономией. Это уж несомненно. А что было дальше, можно только догадываться. Сам ли он скатился с такой кручи или кто-то толкнул его коляску, в результате чего он и шмякнулся башкой о парапет. Так или иначе, но удар оказался достаточно сильным, раз он получил смертельную рану.

А может быть, расчет был на то, что, оказавшись в воде, безногий человек не сумеет выплыть? И, наверное, так бы и произошло, но помешал гранитный камень, с одной стороны омытый мутной, чуть зеленоватой водой, а с другой парапет был весь в крови, к которой прилипли грязные непромытые волосы с головы инвалида.

– Эй? – повторил Федор и увидел, как карие, теряющие к жизни всякий интерес глаза уставились на него.

Удивило, что в этих глазах не было страха перед смертью, как иногда случается с людьми, понимающими свою обреченность.

«Ну и хорошо, – подумал Федор. – Значит, не придется врать, убеждать, что все будет хорошо и он обязательно выживет. Да, похоже, это ему и ни к чему. Возможно, он сам хотел умереть?»

– Да, парень, – вздохнул Федор с сочувствием. – Скажу тебе прямо. Не самый лучший способ выбрал ты, чтобы покончить с жизнью.

– Так пришлось, – едва слышно проговорил раненый и добавил уже совсем слабеющим голосом: – Они хотели меня... – Он замолчал, часто-часто заморгал. Тело стало вздрагивать, точно его пробрал озноб.

Федор наклонился еще ниже, чтобы лучше расслышать, что скажет умирающий. А сам подумал: «Неужели уже отходит? Вот незадача. Так ничего толком и не выяснил».

– Эй, парень? Ты можешь сказать, кто они? И чего они хотели?

Сержант Юранов, размахивая руками для лучшего равновесия, сбегал с крутой набережной к Туманову.

Безногий как-то странно посмотрел на приближающегося человека в милицейской форме и сказал, теперь уже не глядя на Федора, а только на спешащего Юранова:

– Там у меня в комнате... на двери... – Он опять замолчал, словно каждый произнесенный звук давался ему с невероятным усилием, и чем больше он говорил, тем быстрее сокращался остаток времени, отведенный ему для жизни.

Федор испугался, что инвалид умрет и он не успеет узнать главного. Ведь неспроста тот пытается что-то сказать ему. И он потормошил лежащего:

– Продолжай, парень. Не молчи. Я тебя внимательно слушаю. Эй! – Он схватил бедолагу за плечо, слегка встряхнул, когда глаза у того стали закрываться. – Очнись. Слышишь? Я верю, что ты не хочешь умирать.

Но инвалид больше не произнес ничего. Теперь его безногое тело лежало возле гранитного парапета без малейших признаков жизни.

– Чего он? – спросил запыхавшийся Юранов, брезгливо поморщившись от избытка крови, на которую как по команде тучей слетелись неизвестно откуда взявшиеся черные мухи.

– Чего он тебе говорил? – допытывался Юранов, проявляя любопытство, от которого Федора чуть передернуло. Зачем шоферу это знать?

– Послушай, ты всегда такой любопытный или только сегодня? Ты кто, следователь? Зачем суешь нос не свое дело? – сказал Туманов.

– Да ладно тебе, капитан, – ничуть не смутившись, ответил водитель и тут же добавил в свое оправдание: – Я просто услышал, как он сказал тебе: «Там у меня...». Вот и все. А чего там у него? Может, пачка долларов в кармане? – И Юранов бесцеремонно запустил руку в карман пятнистой куртки инвалида. Стал шарить.

Федор совсем потерял терпение. Всегда таких ментов презирал.

– Скажи, что ты делаешь? Здесь работа не для твоего ума. Вот что, топай к своей машине и передай по рации Володину в дежурку, что инвалиду кранты.

Водитель недобро стрельнул глазами на Федора.

– Ну, чего ты, капитан? Я ведь только хотел помочь тебе. Все равно надо досмотр сделать. Если так хочешь, – пожал он плечами, – делай сам.

– Да. Я сам сделаю все, что нужно. Да и досматривать-то в его карманах нечего. А ты иди. И скажи Володину, пусть медиков нам пришлет.

Юранов пошел с недовольной физиономией, чувствуя себя оскорбленным. Потихоньку выругался на капитана:

– Вот сука этот Туманов. Меня к машине отослал. Ну и хрен с тобой. Тоже мне опер-жопер.

«Скорая» приехала минут через двадцать. Молодой рыжий, с веснушками на лице фельдшер даже не стал толком осматривать инвалида. Не захотел возни.

– Смерть наступила в результате травмы, полученной при ударе головой о парапет, – вынес он заключение, усомниться в котором Федор и не пытался, потому что и сам считал: дело обстояло именно так.

– Но если у вас есть сомнения по поводу его смерти, можете направить тело на судебно-медицинскую экспертизу, – посоветовал он, видимо, принимая Туманова за новичка.

Володин поджидал Федора в дежурке. Едва старенький «жигуль», прозванный в управлении луноходом, подкатил к подъезду, старший лейтенант выскочил на улицу, заглядывая в как всегда невозмутимое лицо капитана Туманова. Видя, что Федор ни словом не обмолвился, не утерпел:

– Ну, что там произошло-то?

Федор бросил на него несколько обиженный взгляд.

– Удружил ты мне, Володин. Труп там. Умер твой инвалид. Свидетелей нет. Приехали, а он отходную сыграл. Вот так, Володин.

– Вон оно как. – Володин на минуту задумался, стараясь угадать настроение Федора. Обида – это еще не настроение. С этим можно справиться. Сейчас главное – уговорить Туманова сделать хорошую отписочку, что так и так, вследствие собственной неосторожности гражданин получил травму головы, отчего и скончался.

Володин схватил Федора под руку, поволок в сторону, чтобы никто не слышал их разговора.

– Слушай, Федя, ну его, этого инвалида. Умер он, и ладно. Если врач предполагает, что смерть его наступила от удара головой об этот булыжник, то и пусть. Нас это вполне устраивает.

– По собственной неосторожности? – Туманов заранее угадал, что дежурный хочет увидеть в рапорте. А попросту Володину не хочется возиться. Сутки отбарабанил, и ладно. На кой черт ему сдался этот пропащий инвалид? А начни копать что да как, хлопот не оберешься. А дело, может, и гроша не стоит.

– Именно так, – шепнул Володин, стараясь говорить так, чтобы их никто не услышал. – Правильно кумекаешь, Федя. Бог с ним, с этим инвалидом.

Туманов хлопнул старлея по плечу. В смекалке ему не откажешь.

– Ох, хитрец ты, Володин. На что меня подбиваешь?

– Согласен взять грех на душу, – скроил старший лейтенант постную физиономию и приложил обе руки к груди. – Ты здесь ни при чем, Федя. На мне грех. И спрос с меня. Уступи. Не иди на принцип.

Федор промолчал. Пошел к дверям, но вдруг остановился.

– Постой. Но ты же говорил, позвонила женщина?..

– Федя, дорогой. А где ее искать? Случайная прохожая. Знаешь сам, Федя. Я думаю, это тот случай, когда к нам не поступит заявления от родственников. Ножевых ран нет на теле?

– Нет.

– От огнестрельного оружия тоже нет. А упасть по пьяни может всякий. Да у него ведь даже паспорта при себе нет. Уверяю тебя, он бомжара. Побирושка. Сам знаешь, сколько таких вокруг.

Туманов за то время, пока они стояли и разговаривали, успел выкурить сигарету. Притушил носком ботинка окурок и сказал, оставляя право решать исход дела по факту смерти безымянного инвалида за Володиным:

– Ладно. Поступай как хочешь.

От радости Володин прихлопнул ладонями.

– Вот и ладненько. Спасибо тебе, Федя. Спасибо, родной, – прокричал он в спину уже уходившему Федору.

Глава 3

В половине первого ночи Илья Иванович Архангельский подъехал к автостоянке, расположенной рядом с элитным особняком, в котором у него была шестикомнатная квартира на пятом этаже.

С женой у Архангельского отношения складывались так, что дело подходило к разводу. Она с начала лета жила с детьми на даче, в город предпочитала не приезжать, но звонила ему почти ежедневно.

Архангельский не сомневался в том, что его ненаглядная завела себе там молодого любовника, который и ублажает ее. Только Илье Ивановичу на это наплевать. Во-первых, в скором будущем ожидаются грандиозные перемены не только в его профессиональной деятельности, но и в личной жизни. И Архангельский к ним уже внутренне подготавливал себя. Во-вторых, у него тоже была любовница. Красавица, каких во всей Москве не сыщешь. А жена – это пройденный этап его бесшабашной жизни. И он даже старался не вспоминать о ней. И не вспоминал бы вообще, если б не ее звонки, которые большей частью касались денег. Хотя Архангельский как добропорядочный семьянин ежемесячно присылал ей по тысяче долларов на содержание детей. Но ненасытная женская натура требовала больше. И приходилось уступать.

Илья Иванович был в плохом настроении. Весь вечер он названивал по сотовому своей любовнице, которая уже из разряда таковых, по его убеждению, стала верной подругой. С ней он и хотел соединить свою жизнь. Сегодня на вечер заказал столик в престижном ресторане.

Но девушка так и не позвонила ему. Тогда в половине одиннадцатого он поехал к ней домой, и соседи сказали, что она куда-то уехала. Даже видели, как к подъезду за ней подъезжало такси.

Это озадачило Архангельского. Он послал своего охранника-телохранителя объехать всех ее знакомых девиц, с которыми та поддерживала отношения. А сам, кое-как промучившись до двенадцати ночи, поехал домой, лишний раз убеждаясь, что все бабы стервы.

Он припарковался поближе к воротам, чтобы утром удобнее было выезжать, и попросил охранника приглядеть за его недавно купленным «Вольво». После чего направился к дому.

Вечера в конце июля уже достаточно темные. И каждый раз, проходя в общем-то небольшое расстояние от автостоянки до дома, Архангельский думал об одном и том же – о проклятых фонарях, которые отсутствовали вдоль тротуара. И всего-то сюда требовалось установить три-четыре фонаря на столбах. Больше не нужно. И никаких мучений для людей. А так, попадая в темную часть улицы, пусть и небольшую, любой человек чувствует себя неуютно.

И это Архангельский сейчас испытывал на себе. Стараясь идти так, чтобы было не слышно его шагов, он чутко прислушивался ко всем звукам, доносившимся из темного сквера, расположенного возле тротуара.

Неприятное место. Это единственное, что омрачало жизнь Архангельского после переезда на новую квартиру. В этом сквере частенько по вечерам собиралась шпана, большей частью состоящая из местных подростков, которые после дозы дурмана начинали искать себе острых развлечений, не знающих границ.

Дежурный наряд милиции никогда не заходил сюда. Наверное, этот темный, густо заросший кустарником сквер не представлял для них интереса. А хулиганам здесь простор. Несколько дней назад, примерно в такое же время, проходя мимо, Илья Иванович слышал сдавленный крик молодой женщины. Она вопила, просила о помощи.

Архангельский не сомневался, каким образом она попала в кусты сквера и что там с ней делали молодые отморозки. Но у него и мысли не возникло вмешаться. Во-первых, он ее не знает. А во-вторых, подобное вмешательство не в его правилах. Да и нечего ей без мужского сопровождения шляться по ночам. Если она, конечно, не дура.

Архангельский не женщина. Вряд ли эти юные беспредельщики захотят с ним связываться. Но если такое все-таки случится, постоять за себя Илья Иванович сумеет. В кармане пиджака у него всегда лежит заряженный «вальтер». С близкого расстояния нет надежней вещицы. Пусть только мальцы сунутся. Потом узнают, с кем имеют дело. Их он не побаивался, хотя каждый раз, проходя мимо сквера, прислушивался, крутил головой: могут засранцы запустить пустой бутылкой в голову – темнота все скроет, – а потом ищи, кто кидал.

Войдя в подъезд, Илья Иванович инстинктивно прислушался. Кто-то из соседей пустил слух, что скоро у них при входных дверях будет дежурить милиционер. И Илья Иванович, втягивая голову в плечи, подумал: «Уж скорей бы». Ментов не уважал, но и время такое, что приходится обращаться к ним за услугами. Но чувствовать себя в полной безопасности он мог только в своей квартире, где на окнах крепкие решетки, а дверь сделана из такого металла, который даже автомат не пробьет. Да еще на ней есть три сверхсекретных замка.

Но самый главный гарант его домашней безопасности – не дверь с замками и окна с решетками. В конце концов, найдется спец и вскрыет любые замки. Войдет, и вот тут его и поджидает сюрприз. Потому что не пройдет и десяти минут, как на пороге появятся мордороты в бронжилетах и с автоматами.

Как не хотелось связываться с милицией, но пришлось. Для своей же безопасности и сохранности имущества. А благополучие надо охранять. И Архангельский после недолгих размышлений поставил свою шикарную квартиру на сигнализацию. Зато теперь, уходя из дома, можно не опасаться, что проникнет вор и обчистит до последней рубахи.

Илья Иванович поднялся на лифте на пятый этаж, но, когда открылась дверь, не спешил покинуть кабину. Его не покидало проклятое чувство, будто кто-то все время находится рядом и смотрит на него. И Архангельскому от этого было не по себе.

Тишина на площадке немного успокаивала, вселяла уверенность, что подобное состояние обеспокоенности – всего лишь плод плохого настроения. А все из-за этой негодной девчонки.

Завтра Илья Иванович непременно выяснит, где она пропала весь вечер. Разговор будет неприятный, но, уж видно, его не избежать.

Архангельский достал из кармана ключи. Быстро подошел к двери. Сунул зубастый, похожий на царскую корону ключ в верхний замок. Повернул.

Один оборот. Другой. Третий.

Верхний замок открыт. Теперь надо открыть средний. И ключ к нему не менее замысловатый, с многочисленными зубчиками и прорезями. Отмычку вот так, с ходу, не подберешь. Покопаться надо.

Когда второй замок открылся, Архангельский вдруг почувствовал, что за его спиной кто-то стоит. Он не слышал шагов, но чувство... Это было особое чувство, как у зверя, когда ему вдруг инстинкт начинает подсказывать о смертельной опасности от подходящего охотника. Это дает зверю шанс на спасение. Тогда он пытается убежать. Но Архангельскому бежать было некуда. Дверь он еще не открыл, а кабина лифта уже скользнула вниз.

Он обернулся и вздрогнул. Позади него действительно стоял человек. Роста чуть выше среднего, широкоплечий. Воротник куртки поднят. На глазах темные очки. И в правой руке тот человек держал пистолет с глушителем, ствол которого был направлен прямо в грудь Архангельскому.

Повинуясь инстинкту, Илья Иванович резко поднес руку к карману, где лежал «вальтер».

Но человек сказал почти миролюбивым тоном:

– Не глупи, Илья. Зачем? Неужели ты думаешь, что я позволю тебе воспользоваться этой пукалкой?

На бледном лице Архангельского появилась глупая улыбка. Переоценил он себя. Это действительно глупо. Пока засунет руку в карман, вытащит пистолет, взведет... Несомненно, тот окажется проворней и выстрелит первым.

– Чего там у тебя в кармане? – все тем же тоном спросил человек.

– Да так. «Вальтер» старенький, – стараясь унять волнение, ответил Архангельский, словно стыдясь, что не обзавелся оружием посерьезней. Пожалуй, к его фигуре больше бы подошел «глок». Или, на худой конец, штуковина отечественного производства – пистолет Стечкина. А маленький «вальтер» совсем не смотрится в его руке.

И, как бы подумав о том же, человек улыбнулся, сказал:

– Вот видишь, – словно укорил он. – Старенький. Зачем тебе суесться? Совать руку за ним в карман? Чтобы внушить себе, что с ним ты не боишься смерти?

– Да, – неожиданно для себя сказал Архангельский. Стыдно признаться, но именно это он и пытался внушить себе.

Человек безнадежно усмехнулся.

– Глупости, – строго заметил он и сказал, кивнув на дверь: – Лучше открой третий замок. И смотри, – предупредил он, показав пистолет.

– Ладно. Хорошо, – согласился Архангельский, решая потянуть время. И было бы совсем неплохо, появившись сейчас здесь кто-нибудь из соседей. Тогда уж точно ситуация сложится не в пользу этого типа с пистолетом. Встреча со случайными свидетелями не входит в его планы. Потому он так и торопит с замком. Не хочет светиться тут.

– Нельзя ли побыстрее? – спросил незнакомец, но в голосе не чувствовалось нервозности.

И это особенно насторожило Илью Ивановича. Перед ним был человек с крепкими нервами и, скорее всего, безжалостный убийца.

– Замок что-то... – соврал Архангельский, беспомощно провернув ключом. Но парня с пистолетом это оправдание не устроило.

– Придется поднапрячься, – посоветовал он и добавил как важный аргумент: – И сделай все как надо, если не хочешь умереть досрочно.

Архангельский почувствовал, как ему в спину уперся ствол. Прямо под левую лопатку. Человек с пистолетом, знал, куда следует стрелять, чтобы не оставить жертве никаких шансов.

Но Илья Иванович не спешил расстаться с жизнью.

– Да я открыл уже, – поспешил сказать он. Сунув ключ до упора, сделал последний оборот.

И дверь предательски открылась.

Архангельский, не поворачиваясь лицом, ждал, что будет дальше. Почувствовал легкий толчок в спину.

– Заходи, – ядовито прошипел человек, стоящий позади него.

Он как будто уже бывал здесь, в этой квартире. Не успели они войти, провел рукой по стене за шифоньером прихожей, нащупал клавишу выключателя. Когда свет вспыхнул, закрыл дверь и сказал:

– Теперь быстро позвони во вневедомственную охрану и скажи, чтобы твою квартиру сняли с пульта.

Илья Иванович медлил, стоял как вкопанный и оступелым взглядом таращился на ствол пистолета, направленного теперь ему в переносицу.

Понимая, что драгоценные секунды уходят и там, на пульте, это могут принять за сигнал тревоги и направить сюда группу, человек произнес уже раздраженно:

– Я сказал, позвони! Не заставляй меня нервничать. Видишь, у меня уже палец дрожит на курке. Ну, как нажму? Тогда твоя башка разлетится. Ты этого хочешь?

– Нет. Не надо. Я сейчас позвоню. – Илья Иванович почувствовал: тот не врет. Еще пару секунд задержки, и точно выстрелит. А потом уйдет. И приехавшие милиционеры найдут всего лишь тут труп Архангельского.

– Вот и правильно. Вот и молодец, – похвалил убийца. Но в голосе его ничего, кроме насмешки, не чувствовалось. Этот человек знал, что судьба Ильи Ивановича Архангельского решена. Для этого он здесь. И ни просьбы, ни посулы уже ничего не могут изменить. Все случится так, как должно произойти.

Архангельский позвонил на пульт, и, когда трубка легла на аппарат, убийца язвительно улыбнулся и сказал:

– Надеюсь, тебе не стоит объяснять, зачем я здесь? Ну, пораскинь мозгами. Ты же мужик смысленный. Постарайся догадаться.

– Я догадываюсь, – голосом обреченного ответил Илья Иванович, ни на минуту не забывая о лежащем в кармане «вальтере» и о том, как бы воспользоваться им. С такого расстояния он бы точно не промахнулся.

– Видишь, какой ты догадливый. Если бы был таким с самого начала, то, может, ничего бы и не случилось, – как бы с сочувствием проговорил убийца, внимательно глядя в глаза Архангельскому.

Тот невесело улыбнулся.

– Как ни прискорбно, но должен признать, это так. О многом я догадался, но, – он развел руками, – увы, слишком поздно.

Теперь в холодном взгляде убийцы он видел сожаление. Видно, эти наемные убийцы тоже чертовски устают от своей нелегкой работы. Вот и этот устало сел в кресло и даже прикрыл глаза, словно собирался задремать.

А Илья Иванович и не думал его беспокоить своей болтовней. Замолчал, и его правая рука медленно поползла к карману. Вот уже пальцы осторожно дотронулись до холодной стали.

Голос убийцы заставил его вздрогнуть:

– Давай, – сказал тот, и его жесткий взгляд нацелился на Илью Ивановича. Тот быстро убрал руку от кармана, сделав вид, будто поправляет складку на пиджаке.

– У меня... – начал было врать Архангельский, но убийца резко остановил его.

– Только не говори, что у тебя был вор. Или ты потерял. Меня такой расклад совсем не устраивает. Да и не убедительно это как-то. Разве вор проберется в такую бронированную квартиру? – Он указал стволом пистолета на решетки, защищавшие окна, потом добавил для большей убедительности: – Я не имею ничего против тебя. Но я должен выполнить свою работу. Так что ты, Илья, лучше не тяни. Не отнимай у меня время. Ладно? – Это прозвучало как просьба, на которую Илья Иванович отреагировал вопросом.

– Ты убьешь меня? – Он едва сумел произнести эти слова. Так ему стало жалко себя. Умереть сейчас, в расцвете лет, когда все в его жизни и карьере стало налаживаться? Когда он почувствовал себя выше серой толпы? И вдруг – смерть. И сделалось страшно не за то мгновение, которое ему предстоит пережить, а за то, что же будет с ним после того, как он умрет. Все, что он раньше считал бредом, эти разговоры о рае и аде, теперь будоражили его ум. Не хотелось признаваться, но много грешков водилось за ним, чтобы уготовить ему «прекрасное» будущее на том свете. И он опять повторил тот же самый вопрос.

– А как ты думаешь? – с холодным равнодушием ответил убийца.

– Убьешь, – произнес Илья Иванович так, словно разгадывал кроссворд и выпала удача. Он угадал слово, и теперь ему полагается приз.

Убийца снисходительно пообещал:

– Если отдашь, избавишь себя от мук. Согласись, умереть практически сразу – это тоже награда для такого человека, как ты. Таковую смерть надо заслужить. Хотя не скрою, меня настоятельно просили помучить тебя перед тем, как убить. Так что выбор за тобой. Только не забывай, у тебя ведь дети и жена...

Архангельский вздрогнул, услышав это.

– Они здесь ни при чем. Да и жена не при делах. Она ничего не знает. – Он изо всех сил старался убедить убийцу в несостоятельности его рассуждений. И тот, кажется, придумался, но требование свое все же выдвинул:

– Тогда отдай. Не тяни.

Архангельский тяжело вздохнул, словно вот сейчас, как на исповеди перед священником, признается в тяжком грехе. А тот отпустит грех. Точным выстрелом в голову. Или – сердце. Это не очень-то заботило Илью Ивановича. Важнее другое: чтобы выстрел оказался точным и не заставил его мучиться.

– Ладно. Будем считать, ты меня уговорил, – сказал он и, почувствовав легкость не только в душе, но и в теле, вскочил с кресла, подошел к книжному шкафу. – Забирай. Все вы сволочи. Я всегда знал это.

Убийца расплылся в радушной улыбке, чем выказал жертве особое расположение, словно убеждая, что выстрел будет точным и тому не придется мучиться. Он уже выбрал на крупном теле Архангельского точку, куда влест пулю.

– Давай ее сюда. И не говори лишних слов. Ты и сам – сволочь.

Илья Иванович достал с полки книжного шкафа книгу Валентина Пикуля, раскрыл ее... Минуту-другую он хлопал глазами, потом закрыл ее и уставился на убийцу взглядом безумца.

– Только не говори, что ее там нет, – гробовым голосом посоветовал убийца, впервые за все время пребывания в квартире почувствовав себя неудобно. Такого он не ожидал. Попытался разгадать, не морочит ли безумец ему голову.

– Отдай, Илья! – Голос его зазвучал с еще большей угрозой.

– Богом клянусь... Она была тут, в этой книге...

– И где же она сейчас? – спросил убийца. Вскочив с кресла, он подошел, вырвал из рук Архангельского книгу.

– Ее здесь нет, – произнес Архангельский, сам не понимая, как такое могло случиться. – Нет, – уже совсем тихо добавил.

– Слушай ты, жирный осел! Я тебе отстрелю яйца. Если не отдашь, – убийца опустил ствол пистолета и ткнул им Илью Ивановича между ног так, что тот чуть присел.

Но эта угроза не помогла. Архангельский продолжал смотреть на него глазами умалишенного человека. И тогда последовало несколько ударов в лицо, от которых банкир упал, скорчившись.

– Отдай, Илья. Отдай по-хорошему, – в голосе убийцы слышалась и угроза, и просьба одновременно. Он не ожидал, что так получится. Надеялся на скорый успех. И вот тебе, такая неудача. Можно было покончить с этим толстым ублюдком одним выстрелом. Так бы он и поступил, если бы...

– Куда ты ее дел, сука? Отдал? Кому? Ну, отвечай! – требовал убийца, целясь носком ботинка банкиру по печени.

С трудом поднявшись с ковра, Илья Иванович вытер рукавом пиджака с лица кровь. Брезгливо поморщился.

Передние зубы убийца высадил ему рукоятью пистолета, поэтому голос банкира изменился. Язык точно был лишним во рту, и все норовил выскочить, втискиваясь между разбитых до крови губ.

– Хватит. Не бей больше, – попросил Архангельский, видя, что убийца притомился махать руками и ногами и, возможно, он захочет покончить с ним, наконец-то воспользовавшись пистолетом. Илья Иванович даже внутренне подготовил себя к этому.

– Пристрели меня, – попросил Архангельский.

Но убийца оскалился в улыбке и покачал головой.

– Нет. Сейчас я передохну и продолжу тебя колотить. Я же сказал, все зависит от тебя. И только от тебя.

Архангельский встал с колен и, глядя в лицо убийце, расхохотался. Со стороны это могло бы показаться игрой двух искусных актеров-трагиков, если бы не намерение одного прикончить другого.

– Знаешь, о чем я жалею? – прекратив свой идиотский смех, сказал Архангельский, выплюнув на ковер сгусток крови.

– Ну и о чем же? – с полным равнодушием спросил убийца, но, судя по интонации голоса, его это совсем не интересовало.

– Что я протянул время и... проиграл.

– Возможно, ты прав. Не мне судить. Но все-таки давай о главном.

Предложение было дельным для сложившейся ситуации, и Архангельский согласился, понимая, что вся эта болтовня совсем не интересна человеку, пришедшему его убить. У него другая задача.

– Да. Конечно. Давай о главном, – заговорил Архангельский голосом человека, обреченного на смерть. Тоскливо глянул в глаза убийце и вдруг кинулся на него, пытаясь сомкнуть пальцы на горле. Это был жест отчаяния, причем безнадежно обреченный. Даже сам Илья Иванович понимал, что вряд ли убийца позволит ему прикончить себя. Он слишком опытен и готов ко всякого рода неожиданностям.

Выстрел прозвучал как хлопок в ладоши.

Глава 4

Туманов удивлялся тому старанию, с которым преступники поработали в квартире. Одежда, белье – все валялось на полу по комнатам. Кресла и диваны были распороты, а их внутренности в буквальном смысле выпотрошены. Ящики шкафов, инкрустированных тонкой резьбой комодов валялись тут же. Но они тоже были пусты. Все, что в них находилось, было разбросано по полу, рядом с огромной кучей книг.

Криминалист, глядя на такое безобразие, только вздохнул.

– Похоже, тут основательно постарались, – тихонько сказал он Туманову, видя, как жена убитого банкира хватается за сердце. Не ожидала такого вдовушка. Мужа убили и в квартире все перевернули.

Кто-то из сотрудников уже позаботился о нашатырном спирте, и женщина открыла глаза. Она поверить не могла, что такое могло произойти у них в квартире. Для чего только деньги платили охране?

– И очень грубо, – заметил Туманов на высказывание криминалиста, хотя насчет основательности тот был прав. Убийцы не поленились даже отодвинуть мебель, надеясь за ней отыскать возможный тайник.

Но что особенно удивляло, в сейфе лежала приличная сумма долларов. Но те, кто навел в квартире шмон, не позарились на нее. Зато все деловые бумаги, включая акции различных предприятий, были тщательно просмотрены.

– Михалыч, ты проверь, может, на бумагах остались отпечатки, – сказал Федор криминалисту, распаковавшему свой чемоданчик. Но уже через пару минут по выражению лица криминалиста, он понял: с отпечатками пальцев они потерпели фиаско.

– Сейчас даже начинающие дилетанты предпочитают работать в перчатках. Чего уж говорить о профессионалах, – недовольно проворчал криминалист, пытаясь рассмотреть даже пылинки на стенках мебели. Может, хоть там сохранились «пальчики»?

Несколько больше повезло со следами. Скоро удалось определить, что в квартире были всего два человека. Один из них убитый, Илья Иванович Архангельский, а другой... Впрочем, другой ушел.

И теперь, тщательно вымеряя длину и ширину следа, криминалист сказал Федору:

– Похоже, размерчик у того сорок третий. Судя по отпечатку, ступня широкая. Да вот что еще, чуть не забыл. Я внимательно просмотрел все следы, и, по-моему, убийца страдает плоскостопием.

Туманова не очень обрадовало это известие. Практически для розыска убийцы оно ничего не давало. Ну, в самом деле, не станешь же ходить по улицам и высматривать всех, кто страдает этим заболеванием. Да и словесное заключение криминалиста не подтверждено фактами, а значит, особенно на него опираться не стоит. Но с другой стороны, если в поле зрения оперативников попадет подозреваемый с такой приметой, тогда обратить внимание на это следует. А пока надо искать хотя бы малейшую зацепку здесь, в квартире убитого банкира.

Пятеро опытных сотрудников, включая следователя, топтались по квартире как бараны, не имея ни малейшего представления, за что зацепиться. А тот, кто отправил Архангельского в мир иной, скорее всего, сидел уже где-нибудь в ресторане и пил водку за удачный исход дела. Возможно, он нашел то, за чем сюда приходил, если не соблазнился даже на доллары. А их в сейфе оказалось более пятидесяти тысяч. Новенькие купюры в банковской упаковке.

Значит, было у Архангельского еще что-то, поважнее долларов и золота. Много бы сейчас отдал Федор Туманов за то, чтобы узнать, что искал здесь убийца. А пока можно только опираться на факт смерти Архангельского, строить различные предположения.

Причем, судя по внешним признакам, хозяина квартиры сначала зверски пытали, и только потом точку в его жизни поставил выстрел. Пуля угодила прямо в лоб, раскрыв часть затылка. Выстрел был произведен с очень близкого расстояния, и дальнейший полет пули окончился в боковине шкафа, откуда ее и извлек криминалист, чтобы отправить на баллистическую экспертизу.

Федор решил поговорить с женой убитого, безмолвно расхаживающей по комнатам и смотрящей на все безучастным взглядом. Будто здесь вообще ничего не касалось ее. Она как посторонний человек зашла сюда, вот сейчас походит, даже не ради любопытства, а просто так, а потом уедет к себе на дачу и будет жить дальше, словно ничего не произошло.

По крайней мере, жалости к убитому мужу Туманов в ее глазах не замечал. Сейчас больший интерес для нее представляли доллары, которые она хотела забрать, но оперативники пока не разрешили ей ничего трогать.

– Лидия Александровна, как вы думаете, что искал убийца в вашей квартире? – спросил Федор и поймал на себе взгляд хищницы. Пожалуй, только сейчас она впервые задумалась о том, что же надо было человеку, избавившему ее от мужа. Деньги и кое-что из его золота остались нетронутыми, стало быть, в квартире могло находиться нечто значительное. Из-за пустяков убивать не будут. А она как дура сидела на даче и не знала. Кое-какие мыслишки зародились в ее хитрой голове, но делиться ими с капитаном Тумановым она не захотела.

– Ума не приложу. Об этом бы вам не мешало спросить у тех, кто сотворил такой кавардак, – обвела она рукой комнату.

– Но, может быть, у вас есть какие-то предположения? – настаивал Федор. Ему казалось, женщина что-то не договаривает. Во всяком случае, общаться с правоохранительными органами ей не хочется. Это понятно даже по ее выражению лица. И глаза... Они так и кричат – зачем вы, граждане менты, здесь? Уходите поскорей.

Теперь, глянув на Туманова, она уже не скрывала раздражения.

– Строить догадки – это вроде по вашей части, – сказала она довольно прохладно, как бы намекая на некомпетентность оперативников.

Но капитан Туманов не обиделся. В конце концов, понять женщину можно. Вряд ли ей сейчас легко, а тут он со своими вопросами. Хотя, с другой стороны, они здесь тоже не в бирюльки играют, и одно-два слова могут пролить свет на случившееся преступление. Поэтому Федор решил спросить о ценностях.

– Все ли из ценных вещей цело? Может, какие-то деньги?.. Драгоценности?.. Посмотрите внимательно и ответьте. Нам важно это знать.

Женщина капризно хмыкнула, высокомерно глянув на сыщика.

– Как я могу в таком бардаке сориентироваться? – Но все же подошла к шкафу старинной работы, открыла дверцу.

На полке лежала перевернутая шкатулка, а рядом рассыпанные золотые украшения. Женщина пересчитала их.

– Не хватает перстня с бриллиантом, который Илья подарил мне на юбилей, – сказала она, стараясь не встречаться взглядом с капитаном.

Туманов кивнул лейтенанту Рогову, занимающемуся заполнением документов.

– Саша, запиши, похищен золотой перстень с бриллиантом...

По поводу дорогого перстня жена Архангельского соврала. Прекрасно помнила, что отдала его своему любовнику для реализации. Нужно же на что-то содержать молодого красавца. Знала: все имущество, в том числе и золотые украшения, муж застраховал на очень крупную сумму. Но тут же сообразила, что вряд ли удастся сорвать деньжат за перстень со

страховой компании. Просто так никто не захочет выплатить большие деньги, а стало быть, можно ожидать массу разбирательств и даже судебных тяжб. Себе дороже выйдет.

– Ой, подождите, не пишите про перстень, – спохватилась она. – Я вспомнила. Он у меня на даче.

Лейтенант Рогов глянул сначала на Туманова, потом на женщину и сказал не очень любезно:

– Вы хотя бы осмотритесь как следует, потом говорите, что есть, а чего нет. Чтобы не переписывать документы. Выражайтесь поточнее.

Маленький, худенький лейтенантик вдове не понравился сразу. Ей нравились статные мужчины, как капитан Туманов. А этот замухрышка развалился в кресле и еще разевает рот. И вдова послала ему ненавидящий взгляд. Разговаривать с ним не хотела. Предпочитала общаться только с капитаном Тумановым. Во-первых, он здесь, судя по всему, старший, как ей казалось. А во-вторых, он мужчина в ее вкусе. С таким красавцем и поговорить приятно. Не то, что с этим тощеньким. У него неприятная внешность. И опытный женский взгляд сразу определил, что и под ширинкой у него нет ничего особенного, за что его можно любить.

– Лидия Александровна, – сказал Туманов, наблюдая за тем, как его оперативники просматривают сваленные в кучу вещи, – поймите, нам очень важно знать, что у вас пропало. Судя по всему, убийца вашего мужа что-то искал. Деньги, золото не взял. Значит, было что-то еще...

Женщина слезливо заглянула Туманову в глаза.

– Но я действительно не могу сказать вот так сразу. Муж меня никогда не посвящал в свои дела. Да и вообще... – она замолчала, не хотела говорить, но решила признаться сразу: – Мы с Ильей разводиться хотели... – сказала и расплакалась. Как теперь все рассказать детям?

Глава 5

Как ни спешил Федор пораньше смотаться с работы, но все равно до девяти вечера пришлось там проторчать.

Его верные помощники задержали известного авторитета Леву Белова по кличке Белый. Где-то промелькнула информация, будто Белый причастен к убийству банкира Архангельского.

Федор три с лишним часа потратил на беседу с агрессивным бандюком, который вместо того, чтобы внятно отвечать на вопросы, грозился устроить капитану Туманову большие проблемы. В конце концов, измотанный назойливостью ментов, он поклялся, что в ночь убийства банкира его вообще не было в городе. И как оказалось, на этот раз Белый не соврал.

Оперативники быстренько организовали проверку. Все сходилось, и авторитетного бандита пришлось отпустить, хотя и без извинений.

Но Лева перестал бы уважать сам себя, если бы ушел просто так. Ведь менты вместе с давним врагом криминальных авторитетов капитаном Тумановым оскорбили его самолюбие. В душу плюнули. И Лева не остался в долгу. Погрозив пальцем, сказал на прощание:

– Вы еще меня попомните.

Сказал как бы всем, но глазами сверкнул только на Туманова, как на старшего в этом кабинете, и вышел, хлопнув дверью.

В другой бы раз за подобные слова Федор вряд ли просто так отпустил бы Белого. Но сегодня... Сегодня он постарался настроить себя так, чтобы этот кусок дерьма с богатым криминальным прошлым не испортил ему настроения.

День сегодня был для Федора особенный. Сегодня день рождения девушки, с которой он познакомился год назад.

Познакомился он с Дашей, можно сказать, случайно, на юбилее у своего приятеля. Даша работала вместе с его женой и потому оказалась в числе приглашенных. Наверное, так было угодно судьбе.

Стройная красавица с голубыми глазами сразу привлекла к себе всеобщее мужское внимание, чем вызвала некоторое недовольство у дам. Из холостяков там оказался один Федор, ему и довелось целый вечер ухаживать за ней.

Скорее всего, хозяева нарочно их посадили рядышком. Хотя потом приятель и его благоверная усердно клялись, что это получилось случайно. Может, оно и так. Только Федор остался не в обиде на приятеля и его жену. Потом благодарил их за подаренное счастье.

В конце концов, и ему когда-то надо обзаводиться семьей. А Даша очень даже подходит на роль жены милицейского капитана.

Ласковая, с мягким характером. От нее так и веет домашним уютом.

Это Федор понял сразу, как только очутился в тот самый вечер у нее дома.

До Даши у него много было девушек. Но ничего серьезного с ними быть не могло, а все отношения обычно заканчивались после двух-трех недель знакомства. Больше Федор не выдерживал. Да и красавицы, кажется, не очень-то рассчитывали на то, чтобы связать свою жизнь с ментом, пусть и офицером. Офицеры нынче не в моде. Всем подавай коммерсантов. Поэтому расставались легко и безболезненно.

В тот первый вечер, когда Федор проводил Дашу до дома, он несколько переоценил себя и недооценил ее. Даже несмотря на то, что девушка опьянела после изрядной дозы шампанского, овладеть ею Федор не смог.

Переодевшись в короткий, обтягивающий стройное тело халатик, Даша словно нарочно делала все, чтобы возбудить его. Но потом, после нескольких упоительных поцелуев, когда Федор, дрожа от нахлынувшего возбуждения, сбросил с ее плеч халат и освободо-

дил упругие груди от бюстгальтера, Даша вдруг закапризничала и не позволила ему пойти дальше. И никакие уговоры и обещания не помогали.

Такого с Федором еще не случалось. Медленно поглаживая ее выпуклые соски, лаская их языком, он пытался возбудить девушку. И оставалось совсем немного, стянуть с нее узенькие узорчатые трусики и, расположив поудобней на диване, раздвинуть пошире ноги.

Но вот тут-то Даша и заупрямилась, неслыханно удивив Федора.

– Разве ты не хочешь? – спросил он, немного смутившись.

Ее лицо пылало огнем, и в то же время она стыдливо прятала глаза за густыми, бархатными ресницами. Ответила шепотом:

– Хочу. Очень...

Федор не понимал, что происходит с девушкой. Никогда у него не выходил такой прокол. Впрочем, если она не хочет, чтобы он снял трусики, пусть они остаются. Может быть, ей так нравится. Федор не стал бы возражать. Да и не помешают они. Стоит лишь потянуть чуть в сторону узкую, покрытую узорами, полоску, которая вообще неизвестно для чего нужна, потому что ровным счетом ничего не прикрывает... И уж никак не станет помехой для занятия любовью.

И вот когда его мужская плоть стала бушевать, Даша вдруг опустила ладошки к паху и тихонечко сказала голосом богини любви:

– Нет, Федор. Не сегодня.

Он готов был принять все происходящее за каприз, за эгоистичное желание поиздеваться над ним в самый неподходящий момент. Федор знал, есть такой тип трудновозбудимых женщин, которые за это обвиняют мужчин и желают им самых страшных мук. Подобных тем, что сейчас испытывал он.

Но тут к нему неожиданно пришла мысль, смысл которой заключался в следующем: Даша не здорова, потому и не дает ему. Федор не удержался от вопроса:

– Даша, с тобой все в порядке?

Девушка утвердительно помотала головой, стыдливо пряча лицо под локонами белых волос. Улыбнулась, поняв, о чем он подумал.

– Федор, это не то, о чем ты думаешь. Я вполне здорова. Уверю.

Федор терялся в догадках, как такое может быть.

– Тогда что же? Объясни, – попросил он и тут же решил спросить о себе, надеясь на откровение: – Я тебе не нравлюсь? Поэтому ты со мной и не хочешь, да? Я правильно понял?

– Нет, Федор. Ты мне очень нравишься. Просто...

Федор стал терять терпение.

– Ну, тогда, может, ты мне скажешь, в чем дело? – попросил он, стараясь предугадать причину каприза.

Девушка виновато взглянула на него. В ее больших печальных глазах столько было страдания, что Федору стало жалко ее. Может, зря он так с ней? Может, не надо было торопить вот так, с первого раза?

Голос Даши взволнованно подрагивал:

– Понимаешь... Мне неудобно признаться... Ты, наверное, будешь смеяться надо мной, но я еще ни разу ни с кем не делала это...

Федор решил, что не так понял ее. И переспросил:

– То есть ты хочешь сказать, что ни с кем еще не трахалась?

Девушка всхлипнула и кивнула.

– Да, – призналась она, стыдливо посматривая на Федора.

И Федор заметил, как нелегко, как мучительно стыдно ей было признаваться в этом перед ним. В какой-то момент он даже не знал, как ему надо отреагировать, засмеяться или сожалеть, что она не испытала такого удовольствия. Даже захотелось взглянуть на ту оран-

жерю, в которой этот цветок сохранился нетронутым до двадцати с лишним лет. Нечасто на целку нарвешься. А тут такой подарок.

Но засмеяться он не посмел. Это значило бы в глазах девушки выглядеть злым эгоистом. Обидеть ее. Ожесточить сердце. Он не такой.

И Федор, поцеловав Дашу во влажную от слез щеку, как можно ласковей сказал:

– Милая, я думаю, ты жалеть не будешь, что твоим первым мужчиной буду именно я. Давай, я покажу, как это все делается. Сначала будет немножечко больно. Зато потом... тебе очень понравится. Уверю тебя, Дашенька. Решайся.

Но девушка упрямо помотала головой.

– Нет, Федор. Я вот так сразу не могу. Хочу, но не могу. Понимаешь?

Он вздохнул. Вот несговорчивая попалась. Ну что будешь делать?

– Мне нужно подготовиться. Извини меня, но я ведь тебя совсем не знаю. Вижу впервые. И позволить лишиться себя невинности...

Федор настаивать не стал. Конечно, было немножечко обидно за свое мужское самолюбие, не удалось обломать девушку. А переспать с такой красавицей – счастье для любого мужика. Многие бы хотели этого. Но достанется она тому, кому Даша сочтет нужным отдаться. Федору, кажется, такая перспектива не светит. В этом сейчас он уже убедился. Оставалось только признать свое поражение. Сегодня ему не повезло.

– Я понимаю, – сказал Туманов, понимая и другое: больше ему здесь делать нечего. Сейчас самое лучшее – успокоиться, чтоб остатки возбуждения прошли. И так уже Даша несколько раз пытливо поглядывала на его брюки, под которыми буйствовала необузданная плоть. И когда возбуждение окончательно спало, он поспешил уйти, для себя решив, что с этой девушкой больше никогда не встретится. Даже не стал спрашивать номер ее телефона. Посчитал излишним.

Но через пару недель Даша вдруг позвонила ему домой. Долго ломать голову не пришлось, откуда она узнала его номер. Девушка призналась, что номер ей дал приятель, у которого они познакомились.

– Федор, ты, кажется, говорил, что живешь один? – вкрадчиво спросила она в самом начале их телефонной беседы.

Федор постарался скрыть удивление, попутно обдумывая, к чему этот вопрос? Что за ним скрывается? Уж не хочет ли эта недотрога напроситься в гости? Он тут же представил ее роскошное тело на своей постели. Это было бы совсем неплохо.

Хорошо, если все получится так, как представляется ему в мечтах. А если его опять ждут мытарства неудовлетворенности? И Федор так и не решил, стоит ли приглашать Дашу к себе. Ведь одними разговорами о любви мужскую плоть не удовлетворишь. И девушке бы это не мешало знать, если она хочет прийти.

– Да. С некоторых пор, как умерла моя бабушка, я живу один, – сказал Федор, пока решив ограничиться только телефонным разговором. Возможно, не стал бы и этого делать, да скучно одному. Отчего же не поболтать. К тому же Даша оказалась прекрасным собеседником.

В трубке повисла молчаливая пауза. Девушка как бы выжидала, что предложит ей Федор по поводу сегодняшнего вечера. Но Федор тоже решил поиграть в молчанку. Тем более правила несложные: кто не вытерпит и заговорит первым. За себя он был спокоен.

Наконец Даша не вытерпела. Наверное, осознала вину за тот раз.

– Федор, можно мне прийти к тебе? – осторожно спросила она, прислушиваясь к интонации в его ответе. Может, он не хочет ее видеть?

Туманов почему-то не удивился, словно ожидал, так и должно быть. Хотя и не очень горел желанием увидеться с недотрогой, но разочаровывать красавицу не стал.

– Конечно, Дашенька. Буду рад увидеть тебя в своей хижине.

Кажется, она обрадовалась. И голос сразу повеселел.

Федору показалось, что, разговаривая с ним, девушка улыбается. Он даже попытался представить ее в том коротком халатике, сидящую в кресле с телефонной трубкой в руке.

– Ну, так я через час буду у тебя? Если ты еще хочешь меня... – Она вдруг замолчала, оставляя его в неведении, что означало «хочешь меня»? Потом добавила: – Увидеть...

Федору пришлось соврать. Сейчас это было просто необходимо. И он, не раздумывая, сказал:

– Очень хочу. Я даже собирался позвонить, но, к сожалению, не узнал твой номер.

Прозвучало это по-детски наивно. И Даша, кажется, усмехнулась.

– Если б сильно захотел, так узнал бы, – сказала она, не скрывая упрека, но тут же сменила гнев на милость. – Ты извини меня, Федор. Я, наверное, неправильно поступила в прошлый раз. Сегодня я постараюсь загладить свою вину, – пообещала она и тут же повесила трубку.

Федор даже ничего не успел ответить.

А вечером произошло то, чего так добивался от девушки Федор в прошлую их встречу. И уламывать ее долго не пришлось.

Даша вдруг попросила налить ей в большой фужер коньяка. Федор возражать не решился. Девушка сказала, что хочет захмелеть.

– Так стыда меньше, – объяснила она, когда Федор попытался ее отговорить. Сколько раз видела в порнофильмах, как это делается, но чтобы вот так попробовать самой... Все ее подруги уже давно успели лишиться девственности и ни одна не жалела об этом. Причем происходило это с ними лет десять назад, когда им было по пятнадцать-шестнадцать лет.

Даша сумела избежать легкомысленного поступка, как считала она. А потом уже общение с мужским полом наедине ничего, кроме страха и стыда, в ней не вызывало. Да и не везло на красивых мужчин.

А сегодня она решилась. И произойти это должно именно с Федором. Об этом она думала все то время, пока не виделась с ним.

Млея от его поцелуев, Даша не сопротивлялась, предоставляя Федору полную свободу действий. Сама же вела себя довольно скованно, и единственное, что позволяла, это легкое поглаживание по голове, когда Федор как настоящий вампир всасывался в ее груди.

Было немножко стыдно, но в то же время хотелось продолжения. Ведь ни один мужчина еще ни разу не выделял с ней такого.

И лишь когда его руки опустились к трусикам, Даша задрожала, словно ее слегка трясло током, и зашептала, хотя уже чувствовала, его не остановить ничем:

– Подожди, Федор. Прошу тебя. Мне страшно.

В какой-то миг ей действительно стало страшно. Голое мужское тело, и на нем отчетливо выделяется тот орган, которым Федор собирается лишить ее девственности. Лицо до крайности напряжено, а в глазах – безумие.

«Боже! Неужели все мужчины в этот момент звереют?» – подумала она. А Федор, оторвавшись от ее соска, тихонько произнес на самое ушко:

– Дашенька, закрой глаза и ничего не бойся. Все будет хорошо.

Пришлось послушаться его совета. И тут же она почувствовала его тугую, упругую плоть. Федор прислонился к низу ее живота.

– Ой, мамочки! – негромко вскрикнула Даша.

Ее тело полыхало огнем. Кажется, поднеси спичку, вспыхнет.

«Что же это со мной происходит?» – наивно спрашивала она у себя.

С этим вопросом к Федору обращаться не стала. Он предпочитал больше действовать, чем говорить. Чуть подавшись назад, взялся обеими руками за кружевную резинку ее трусиков и стал их медленно стягивать. И нарочно не торопился. Этот процесс освобождения

женского тела от последней детали туалета особенно нравился ему и возбуждал еще сильнее. Главное, не спешить, не лишать себя удовольствия, посмотреть, как обнажается ее прекрасное лоно, прикрытое чуть вьющимися волосиками. То сокровенное, что так долго прятала она от мужиков.

Еще никогда Даше не доводилось лежать на постели перед мужчиной обнаженной. Пока удовольствия от этого ни на грош, а вот стыда с избытком. Особенно, когда Федор стал нагло рассматривать ее. Грудь, живот и ниже. Погладил. Тут уж и вовсе не по себе.

И Даша сжала колени, чтобы уберечь от его взгляда самое сокровенное. Ну, какой же он нахал! Смотрит, как будто никогда не видел.

– Федор, не смотри. Мне стыдно, – попросила она, стыдливо пряча глаза и все время ожидая, что вот сейчас он сделает ей больно.

А он, осторожно лег на нее и, целуя в губы, вдруг взялся руками за ноги и медленно стал раздвигать их, при этом поднимая вверх. Склонившись к самому ее уху, жарко прошептал:

– Сейчас тебе будет немножко больно. Придется потерпеть. Ты готова?

– Да, – шепотом ответила Даша и вытянулась в струну, когда вдруг его член вошел в нее. Было больно, как и предупреждал Федор, но ей почему-то хотелось, чтобы это мгновение не кончалось. Она чувствовала эту боль, но теперь ей уже было не страшно.

Обхватив обеими руками бьющееся в конвульсиях тело Федора, она прижимала его к себе, постанывая и вскрикивая.

– Федор, миленький! Не останавливайся, – вдруг закричала она и почувствовала себя словно невесомой, с легкостью парящей над постелью. И закрыла глаза, чтобы растянуть это мгновение экстаза.

Она не помнила и не хотела думать, сколько времени все это продолжалось. Необычайно счастливая, хотя и утомленная, с ноющей болью внизу живота, она сбросила Федора с себя и распласталась на постели.

– Все, Федор, хватит. Я больше не могу, – сказала она и потом, когда он, уже успокоившись, улегся рядом, добавила: – А ты знаешь, быть женщиной – это совсем неплохо.

Федор улыбнулся, провел рукой по гладкой коже ее бедра.

– Я рад, что тебе нравится.

– Очень нравится. Правда, немного побаливает в паху. Но ведь это скоро пройдет?

– Конечно, – успокоил Федор и спросил: – Извини, Даша. Но я хочу тебя спросить...

Сейчас она была готова выслушать все, что угодно, и его вопрос не ввел ее в замешательство. Скорее наоборот. Даша догадывалась, о чем Федор хочет ее спросить.

– Что ж ты раньше-то?.. Ни с кем?..

– Да вот не встретила такого, как ты, – ответила она, уже не стесняясь разглядывать его голого. – А если говорить серьезно, то подобными вещами мне заниматься было просто некогда. Школа. Потом институт. Аспирантура. И заметь, эти учебные заведения я окончила с золотой медалью. Блестяще защитила кандидатскую.

– А зачем? Чтобы быть кандидатом наук и оставаться при этом целочкой? – Прозвучало немного грубовато, но Даша не обиделась. Потому что и сама не раз спрашивала, зачем все это ей нужно, когда в жизни теряется нечто большее, чем бумажки, доказывающие ее блестящие знания. Она призадумалась об этом, когда у ее сверстниц уже появились дети. И тогда ей стало страшно. Показалось, что вот так, за учебниками и конспектами, она потеряла частичку жизни, которую невозможно вернуть. И тут рядом появился Федор. Ее Федор.

Глава 6

Возле метро Федор купил роскошный букет алых роз. Знал, Даша без ума от этих цветов. Поэтому он никогда не дарил ей других.

Воспользовавшись такси, которое с небывалой скоростью домчало его до Дашиного дома, он ровно в десять вечера нажал кнопку звонка. Волновался, как пацан. Помнил о своем обещании быть у нее ровно в шесть. А приехал на четыре часа позже.

«Что сейчас будет?» – подумал он, представив, сколько неприятных слов придется выслушать ему по поводу своего опоздания. Оправдания с его стороны приниматься не будут. Поэтому Федор решил просто попросить прощения. Если она собирается стать его женой, то должна понять, оперативник не принадлежит себе. Только вот захочет ли Даша с этим мириться?

Федор вздохнул. Что теперь о нем подумают Дашины родители? Уж им-то точно не нравится его профессия. И Дашина мать не переставала повторять дочери, указывая на ее неудачный выбор жениха.

– Лучше бы он был зубным врачом. Так хотя бы всегда при деньгах. Извини, Дашенька, но опер – это не профессия. А потом, ты знай, все эти опера – такие грубые люди. И твой Федор тоже такой, – высказала свое мнение будущая теща, когда Федор не пришел на день рождения невесты.

Дашин отец дипломатично отмалчивался, хотя и ему не нравилось, что будущий зять – мент. В его службе он не видел перспективы, даже при том, что Туманов довольно известный сыщик.

Сегодня Даша собиралась представить Федора всей своей родне. Но дожидаться его никто не стал. Гости посидели и разъехались. А вместе с ними и Дашины родители. Не захотели видеть непутевого зятя.

Едва очутившись в прихожей, Федор бухнулся на колени перед Дашей, умоляя простить его за опоздание. Но она поняла его иначе.

– Не строй из себя клоуна, Туманов, – строго заметила на этот жест Даша, давая понять, что на прощение ему рассчитывать не стоит. У нее тоже есть достоинство, а еще самолюбие, на которое намекнула мать перед уходом. А Туманов ее просто недооценивает.

– Прости, Даша. Ну, я не мог прийти раньше. Честное слово.

– Честное слово? – Она резко обернулась, отталкивая от себя протянутый букет. – Да чего стоит твое слово? Ты же обещал прийти в шесть. Лично я расцениваю обещание как данное слово. Разве это не так?

Федор не стал рассказывать про убийство банкира Архангельского. Про то, сколько времени он потратил, беседуя с авторитетом Беловым, от которого ровным счетом ничего не добился. Зачем Даше это все знать. Она человек с чистой душой, и не стоит окончательно омрачать девушке настроение в такой день. Пусть хоть у нее будет радость. Всю эту грязь он предпочитал оставлять за стенами своего кабинета, сбрасывая ее с себя, словно одежду, и убирая, но не в шкаф, а в сейф в виде папок с уголовными делами.

Сейчас, глядя на Федора, Даше хотелось только одного – как можно скорей взять и вышвырнуть из своей квартиры это мерзкое существо с фамилией Туманов. Вышвырнуть навсегда. Разве такой ей нужен человек, который не выполняет своих обещаний? Который может поступить столь безответственным образом, как это сделал Туманов? И чего стоит его просьба о прощении вместе с букетом?

– Знаешь, кто ты? – произнесла Даша с обидой, не прикасаясь к цветам. Едва сдерживалась, чтоб не разрыдаться от жгучей обиды.

Федор был согласен на все, поэтому быстро сказал:

– Знаю. Я – дрянь. – Называя себя так, он хотел только одного, чтобы девушка побыстрее успокоилась и простила его. Но Федор недооценил ее характер.

Даша смахнула с глаз слезы, не забыв при этом покачать головой.

– Нет, мой дорогой. Ты не дрянь. Ты гораздо хуже. И не трудись простаивать передо мной на коленях. Не будет тебе прощенья. – Она хотела добавить: «Уходи», но сдержалась и отвернулась к окну, чувствуя себя самой несчастной женщиной в мире. И с этим ничтожеством она едва не связала свою жизнь! Нет, права мать по поводу того, чтобы Даша порвала с ним. Надо только набраться смелости. Решиться раз и бесповоротно.

– Даша, милая. Ну так получилось. Сама знаешь, где я работаю. А мы там, между прочим, не пироги печем. – Федор попытался пошутить, но на Дашу это произвело обратный эффект. На этот раз она не сдержалась, и слова ее прозвучали хлестко:

– Да лучше бы ты пироги пек. По крайней мере, всегда сытым бы был. А то приходишь как голодный волк. Только зубами щелкаешь, чего бы сожрать.

Такое сравнение с хищником больно стегануло по самолюбию Федора. Зря она так. И про то, что он приходит к ней голодный. Нашла чем упрекнуть.

Частенько Федор приходил и сразу садился за стол. А все это потому, что он слишком спешил к ней и не успевал заскочить куда-нибудь и перекусить. Не думал, что дело дойдет до упреков.

– Успокойся, – сказал Федор, поднимаясь с колен и отряхивая брюки. – Не надо истерик. Если ты хочешь, чтобы я ушел, так и скажи. И незачем называть меня волком. – Он подошел к столу, на котором стояла посередине большая хрустальная ваза с цветами. В нее Федор втиснул свой букет. И, повернувшись, не говоря ни слова, направился в прихожую. Шел медленно, ожидал, что Даша позовет его и простит. Но она не позвала.

«Значит, не судьба нам с ней», – грустно подумал он, уже очутившись за дверью. Вернуться самому? На это не хватало наглости. Да и зачем?

Лифт оказался свободным.

Спустившись, Федор вышел из подъезда, сунул руку в карман пиджака за сигаретами, но вместо пачки достал бархатный футляр, в котором лежал золотой кулон в виде сердца на цепочке. Хотел сделать Даше подарок на счастье. И вот забыл, пока был у нее в квартире.

Возле подъезда гуляла женщина с собачкой на поводке и старательно делала вид, будто не замечает, как ее четвероногий любимец гадит на клумбу с цветами.

Федор подошел поближе.

– Извините, – обратился он к женщине. – Вы в этом подъезде живете?

Женщина несколько удивилась вопросу. С какой это стати молодой человек интересуется ее местом жительства. Но все же ответила:

– В этом. А в чем дело, молодой человек?

Федор поднял голову, увидел Дашу. Она стояла в комнате у окна.

– Вон ту очаровательную девушку видите? – показал он на окно.

Женщина улыбнулась.

– Конечно. Это же моя соседка, Даша. А что? Почему вы спросили?

– Не могли бы вы ей передать... – Федор вынул из кармана футляр с кулоном. – Возвращаться не хочу. Примета плохая. – Он подарил женщине улыбку, и та не осталась в долгу, улыбнулась тоже.

– А что там, в футляре? Надеюсь, не бомба? – шутливо спросила она.

Федор поспешил ее успокоить.

– Разве я похож на террориста?

– Нет, – охотно ответила хозяйка маленького негодника. Кажется, она была расположена к долгому разговору с молодым мужчиной, но Федор заторопился.

– Передайте ей, пожалуйста, – попросил он и, попрощавшись, заспешил к автобусной остановке, куда как раз подъехал автобус.

– Я передам, – крикнула женщина ему вдогонку, но Федор не обернулся.

Глава 7

Иметь агентов вменяется в обязанность каждому оперу. Но если хочешь быть очень хорошим опером, тогда не ленись заводить агентов как можно больше. Это правило молодые сотрудники переняли от стариков, корифеев уголовного розыска.

Федор Туманов был хорошим опером. Даже самые сложные преступления он раскрывал быстро. Не хотелось тянуть и с убийством Архангельского. Известный банкир. И смерть его у многих вызвала беспокойство.

И вот сегодня, ровно на восемь часов вечера, Федор назначил встречу одному из лучших своих агентов, Виктору Верзникову, по кличке Верзила. Позвонил Верзиле на сотовый.

Верзила был одним из самых опытных стукачей и работал на Федора уже пятый год. Причем умудрялся так вертеться среди братвы, что никому и в голову не приходило заподозрить в нем ментовского стукача.

Зато Федор имел через него самую свежую информацию по многим еще только готовящимся преступлениям. Такой расклад позволял предотвратить целый ряд убийств, о которых помышляли бандиты. Многих людей спасти от смерти.

По мелочовке Федор не беспокоил Верзилу. По той же причине встречались они не так часто и обычно в какой-нибудь самой захудалой забегаловке, где уважающий себя бандит и носа не покажет. Но и их приходилось время от времени менять, чтобы не примелькаться. Да и для Верзилы опасно, если свои же братки застукают его в компании с опером Тумановым. Тогда никакие отмазки не спасут.

Последние несколько встреч у них проходили в кафе «Весна» рядом с заводом «Монолит». Днем это заведение работало как столовая, в основном для заводских рабочих. А вечером как кафе. Причем достаточно недорогое. Какой нормальный человек станет набивать свой желудок, да еще за приличную цену, всем тем, что не было съедено монолитовцами в обед?

Но Федора мало интересовал небогатый ассортимент вечерних закусок. Хотя иногда, когда не удавалось нормально пообедать, он не гнушался отужинать в этой кафешке. Да и шиковать с милицейским жалованьем не приходилось. Недорого, и то уже хорошо.

Верзила не любил, если по какой-то причине Федор опаздывал. Поэтому опер торопился...

После работы они с коллегами немного посидели. У капитана Шубина родился сын, и счастливый отец не поскупился на угощение братьев оперов.

Сдвинули в кабинете два стола. На них и расставили водку и закуску.

Только Федор много пить не стал, сколько Шубин его ни уговаривал.

– Нет, – отмахивался Федор от приставучего Шубина. – Пойми ты. У меня сегодня важная встреча с человеком. А ты хочешь, чтобы я напился и не пошел? Я так не могу. И человек обидится.

Опьяневший от счастья и выпитой водки, Шубин по-дружески обнял Федора.

– Нет, Федя. Все не так. Скажи лучше, где у тебя встреча? Я тебя отвезу. Куда скажешь. Хоть на край света отвезу. Ты ж меня знаешь.

Федор начинал сердиться на Шубина.

– Отстань, Юрка. Ты уже пьяный. А ехать мне не так далеко, до «Монолита». Знаешь такой завод?

Шубин беспомощно мотнул головой, но отставать не собирался. Федор – душа компании. Один-два свеженьких анекдота, и даже те ребята, у кого плохое настроение, едва не давились от хохота. А тут вдруг он собирается уходить.

– Федя, останься. Прошу тебя как друга. Позвони, отмени встречу. Встреча с бабой? – полюбопытствовал приятель-капитан.

– Я теперь перешел на мужиков, – пошутил Федор, чем вызвал всеобщий хохот и подковычки по поводу неправильной сексуальной ориентации. Такая тема для разговора, что только дай повод.

Вырвавшись из кабинета Шубина, Федор зашел к себе, достал из сейфа табельный пистолет. Решил взять его с собой. А вот запасную обойму оставил. Насчет оружия мысль пришла только сейчас. Вдруг Верзила укажет адресок, где отсиживается человек, причастный к убийству банкира. Тогда придется сразу проверить, и надежней, если с ним будет верный друг «ПМ».

Ровно без пяти минут восемь Федор вошел в стеклянные двери кафе «Весна». И осмотрелся. Так он поступал всегда, чтобы не напороться на братков и не подставить Верзилу. Если что, то можно сделать вид, будто они незнакомы. Выпить возле стойки бутылочку пива и выйти. Верзила не дурак, сразу сообразит и сам к нему в кафе не подойдет. А Федор будет его дожидаться на улице.

В просторном зале посетителей было немного. В углу у окна за столиком сидели двое мужиков и с ними молодой парень, лица которого Федор рассмотреть не мог, так как он сидел к нему спиной.

Чуть в стороне две молоденькие девчушки с аппетитом уплетали хрустящие кексы и при этом вели непринужденный разговор, время от времени прерываемый дружным хохотом.

За следующим столиком расположилась пожилая женщина со стариком, у которого на груди красовались орденские планки. Федор их принял за супружескую чету. В прошлый раз, когда они встретились с Верзилой здесь, эти двое точно так же сидели за этим же самым столом. И Федор подумал, что они каждый раз приходят сюда ужинать. И сейчас оба склонились над тарелками несвежего борща.

Негромко играла музыка, нисколько не дополняя жалкого уюта бывшей общепитовской столовки.

Место это Федору не нравилось. Оно не отличалось особым комфортом, чтобы можно было прийти и расслабиться. И даже здоровенная пальма в кадучке у дверей не вписывалась в эстетику кафе, словно стыдясь за то, что не к месту очутилась здесь и превратилась в подобие пепельницы, забросанной окурками.

Утешало одно – здесь немногочисленно и особенно можно не опасаться за Верзилу, что он засветится. Да и самого Федора тут никто не знает.

Федор прошел к столику, за который раньше они с Верзилой садились. Не стал изменять этой маленькой привычке. Да и удобно отсюда наблюдать за всеми входящими в зал, что тоже немаловажно для опера. Если уж какая подозрительная рожа заглянет сюда, не останется незамеченной.

Расположившись за столиком, Федор глянул на стойку бара, чтобы крутившаяся там официантка обратила на него внимание и подошла.

Немного озадачило, что за стойкой вместо уже знакомой белокурой милашки стоял долговязый парень с неприятными глазами, которыми он не переставая водил по лицам немногочисленных посетителей. Причем взгляд его не выражал доброжелательного настроения.

Стоило появиться Федору, как эти глаза с прищуром холодно уставились на него. Федор тоже посмотрел. Их взгляды встретились, и на вытянутом лице долговязого появилась едва заметная усмешка.

Федор постарался не придавать этому значения, хотя и подумал: «Чего этот козел нашел во мне такого, чтобы скалиться? Лучше бы в рюмки заглядывал да поменьше мухлевал с коктейлями».

Поглядев на часы, Туманов удивился. Верзила никогда не опаздывал. Всегда приходил минут за пять до встречи, а сейчас на часах двадцать минут девятого.

«Странно. – На душе у Федора почему-то сделалось беспокойно. – Агент всегда такой пунктуальный. Почему не позвонил? Не предупредил, что задержится? Может, что-то случилось?» В таком случае и самому Федору следовало бы немедленно покинуть явочное место, а потом позвонить Верзиле на мобильник.

«Ладно. Черт с ним. – Туманов решил набраться терпения. – Жду еще десять минут. Если не появится, уйду. Нечего тут глаза мозолить, особенно этому долговязому бармену». – Федор бросил короткий взгляд на стойку. Чтобы не сидеть просто так, решил побаловаться пивком. Взмахом руки подозвал к себе официантку, хотя ей этот жест явно не понравился. Не собака ведь.

– Чего желаете? – не слишком приветливо спросила подошедшая девушка, рассеянно глядя на посетителя. Федор ей тоже не нравился.

– Принесите пару бутылочек пивка, – попросил Федор. – Желательно холодненького. Ну и пожевать что-нибудь.

Девушка уставилась на него стеклянными глазами. Федору она показалась обкуренной или принявшей дозу наркоты. Глаза пустые, будто смотрит и ничего не видит. Да и координация движений немного ослабела. «Явно ширнулась», – решил он про официантку. А та уже потеряла всякое терпение.

– Мужчина, говорите конкретней, чего вам принести пожевать? – умирающим голосом произнесла девушка, достала из кармана забрызганного соусом фартука блокнот и авторучку.

Девушка вздохнула в ожидании заказа. А Туманов сказал:

– Ну, я не знаю, что у вас есть...

Официантка скроила недовольную мордашку, заглянула в свой блокнот и начала перечислять:

– Есть пирожные, бисквиты, кексы, запеченное слоеное тесто, политое шоколадом. Есть борщ, каша...

– Стоп, – закончить ей Федор не дал. – Бог с вами, девушка. Разве пиво употребляют с пирожными? Или с кашей?

Девушка хмыкнула, хотела сказать, что, если кто хочет жрать, то и каша с пивом пролетит за милую душу, но сказала более культурно:

– А что тут такого?

Федор пожал плечами, принимая ее за полную дуру.

– Вообще-то может и ничего. Но это, знаете ли, кому как нравится. Я предпочитаю к пиву что-нибудь соленькое. У вас раки вареные есть? Или креветки?

– Чего? – Глаза у официантки чуть не вылезли из орбит, и она даже наклонилась к Федору: уж не ослышалась ли? Оказалось, нет.

– Ну, ты даешь, дядя. Раки! Креветки! Откуда?

Федор задумчиво хмыкнул.

– Я же предупредил, что не знаю вашего ассортимента закусок. Чего у вас там еще есть из подходящего?

Девушка надула щеки. Ну, достал ее клиент.

– Курица есть. С макаронами.

– А салат или винегрет? – не сдавался Федор, продолжая гнуть свое.

Девушка издала протяжный стон и возвела стеклянные глаза к потолку. Измором решил взять ее мужик.

А Федору показалось, еще немного – и она свалится прямо на него. Чтобы не допустить подобное варварство и не чувствовать потом себя виноватым, он решил согласиться на курицу.

– Ладно, давайте курицу. Но пивка холодненького, – напомнил он уже уходившей официантке.

– Оно у нас всегда холодненькое, – недовольно бросила на ходу девушка, виляя круглой попкой, которая, по мнению Федора, была единственным ее достоинством.

Ко всему прочему, эта девица не страдала расторопностью. И Федору пришлось ждать минуты четыре, пока его заказ был выполнен.

Девица не торопилась. Поговорка «время – деньги» была не для нее. Какие тут деньги, когда клиентов в кафе раз, два и обчелся?

О чем-то обмолвившись с долговязым барменом, она наконец-то подошла с подносом. На нем стояли две откупоренные бутылки пива «Балтика» и тарелка с холодными макаронами, поверх которых лежало пупырчатое крыло какого-то пернатого существа.

– Приятного аппетита, – произнесла девица заученную фразу и предпочла побыстрее скрыться в проеме коридора, отделявшего зал от кухни, из которой несло подгоревшим луком.

Тарелку с макаронами Федор сразу отставил на край стола. Не хотелось вредить своему желудку. А чтобы расправиться с пупырчатым крылом, и вовсе требовались железные челюсти. Поэтому крыло, растянувшись, словно губы официантки в ехидной улыбке над бессилием Туманова, заняло свое почетное место поверх макарон, где до этого и лежало.

А вот с пивом девица не обманула. Оно оказалось действительно холодным, и Федор с наслаждением осушил сначала одну бутылку, посидел немного, ощущая в желудке приятное жжение, потом принялся за вторую. И почему-то почувствовал легкое головокружение. Взял выпитую бутылку, поднес к носу, пытаясь по запаху определить, не подмешали ли в пиво водку. Бутылки-то официантка принесла откупоренные.

Но с другой стороны, это слишком дорогое удовольствие, если каждому в пиво добавлять водку. Да и вряд ли долговязый бармен станет проделывать такое. Какой смысл? Но с другой стороны, после этого выпитого пива у него замутило голову.

Он попытался припомнить, сколько стопок водки опрокинул за рождение Шубина-младшего. Но в голове уже творилось что-то невообразимое, там все смешалось в хаотичном движении.

Из-за стойки на Федора с улыбкой таращился долговязый бармен и при этом что-то говорил официантке.

Федор хотел ему погрозить пальцем, но рука, словно плеть, свисала вдоль туловища, и поднять ее не было сил. «Надо уходить отсюда», – решил он, чувствуя, что еще немного, и тело сползет со стула на пол и тогда уже никакая сила не заставит его подняться.

Все вокруг перед глазами плавало, в том числе и он сам. Он чувствовал, будто тело переломилось в поясице. Ноги дрожат, стоят на месте, а ослабевшее тело раскачивается то в одну, то в другую сторону.

– Вот это да, – заплетающимся языком пролепетал Туманов, оперся обеими руками на угол стола и с трудом встал. Но устоять на ногах не смог.

Сначала его повело на пустой соседний столик, который он чуть не опрокинул. Потом на чету пожилых людей. И чтобы не упасть, он попытался отыскать опору для правой руки в тарелке с борщом, который уплетала жена старика. При этом остатки борща расплескались не только по скатерти на столе, но и на платье пожилой женщины.

Вместе со своим муженьком она вскочила из-за стола, отпуская в адрес пьяного нахала нелестные выражения.

Федор улыбался. Слишком хорошо у него на душе, чтобы кто-то вот так, за легкую оплошность, мог испортить настроение. А за борщ он готов извиниться и заказать еще тарелку, если эта склочная тетка пожелает. Только бы она успокоилась и не орала.

Но сейчас, чтобы не рухнуть под стол, Федор обнял ее мужа за плечи. И тут же почувствовал, как кто-то откинул его руку с плеч старика.

– Ой, – качнулся Федор и, повернувшись, увидел молодого парня. Тот самый, что сидел с двумя мужчинами. Теперь они подошли все трое, но накинулся на него один этот парень.

– Ты чего тут бузишь, козел? – заорал молодой прямо Федору в лицо, при этом ухватив его за грудки.

Но за это Федор был не в обиде. Если бы сейчас парень не держал его, он бы точно упал. А так, хоть какая-то опора. Теперь надо только объяснить, что ничего такого Федор не хотел. Произошло все случайно.

Долговязый бармен выскочил из-за стойки.

– Эй, парни, не устраивайте здесь драку!

– Да я вообще не хочу с ним драться, – пролепетал Федор, едва не рухнув на парня.

Вовремя тот его оттолкнул.

– Дай ему по морде, – кричала пожилая мадам.

Ее старичок в бессильной злобе потрясал тростью, но сам ударить Федора боялся.

– Сейчас я ему хлебало разукрашу, – пообещал парень, но тут опять встрял бармен.

Один из товарищей парня что-то негромко сказал ему, но бармен заорал:

– Идите отсюда на улицу и там делайте что хотите. А здесь нечего кулаками махать. Не хватало еще стекла высадить. Я, что ли, за них платить буду? Валите отсюда на улицу.

– Пойдем выйдем, – предложил парень, не отпуская Федора.

– Пойдем, – ответил Федор с безразличием. Ему уже было все равно, что последует дальше. Единственное, что ему сейчас хотелось, это упасть куда-нибудь, чтобы тело почувствовало покой, и заснуть. И он почти не помнил, что происходило, когда они очутились на улице.

Парень поволок Туманова за угол кафе, где валялась груда пустых ящичков, вместе с каким-то хламом, о который Федор спотыкался.

– Давай побазарим.

Федор против базара не возражал. Вот только язык окончательно отказывался служить ему, и слова получались отрывистые и малопонятные.

Но, кажется, тому парню и не обязательно было разговаривать с пьяным дебоширом из кафе. Резко, без замаха он ударил Федора в лицо и расхохотался перед своими приятелями. Такого здоровяка уложил одним ударом.

Федор лежал с закрытыми глазами в сладком полусне. Чувствовал, как его кто-то тормозит, шарит по карманам. Но глаза открывать не хотелось. Пусть делают что хотят. Ему на все наплевать.

Стоять на ногах, когда кружится голова, когда ведет из стороны в сторону, это сущее мучение. Но теперь он лежит и чувствует только одно, покой, к которому так стремился.

Ненадолго его лишил этого покоя испуганный возглас парня:

– Так он – мент!

Глаз Федор так и не открыл. Только улыбка разлилась по его счастливому лицу. Хотелось ответить, но язык точно одеревенел.

Парень говорил еще что-то, но Федор уже не воспринимал смысла сказанного. Все перед ним окуталось мраком.

Глава 8

Федор открыл глаза и никак не мог понять, где он?

Небольшая комната, стены которой покрашены в темно-зеленый цвет. В ней едва уместилась железная кровать без матраса, застеленная ветхим одеялом, провонявшим неприятным запахом. Нет окна. Ни стола, ни табурета. А чтобы тот, кто попал сюда, не свихнулся от темноты, под высоким потолком, покрытая толстым слоем пыли, тускло горела лампочка. Единственный источник света.

Зато в торце стены – массивная металлическая дверь с «кормушкой».

Тоскливо оглядев свое пристанище, Федор сразу понял, куда он попал. Другой вопрос, за что? Вроде ничего такого не делал.

Он ухватился обеими руками за спинку кровати и подтянулся, чтобы можно было сесть. В голове творилось черт знает что. И среди этого хаоса ему не давала покоя мысль о своем заточении. Он пытался вспомнить, что произошло там, в кафе. Но память теперь подводила его. Федор потрогал голову и вздохнул.

С трудом поднявшись на ноги, покачиваясь как маятник из стороны в сторону, он, шаг за шагом, медленно добрал до железной двери.

Вот чем оказалась хороша эта узкая камера. Он не упал. Стоило вытянуть руки, и он упирался то в одну, то в другую стену. Это служило опорой. И сейчас эта опора ему была необходима как никогда. Состояние такое, будто он заново учился ходить и очень боялся упасть.

Несколько раз Федор постучал в дверь кулаком. Не мешало бы все-таки узнать, как он оказался тут и кто его сторожа.

– Эй! За дверью, – крикнул Федор.

Ждать долго не пришлось. Казалось, снаружи только и ждали, когда он проснется. А тишина была, потому что не хотели нарушать до времени его покой. А теперь, когда он заявил о своем пробуждении громким стуком, за дверью загремели ключами.

Дверь открылась, и перед Федором появился невысокого роста худенький человек в сером повседневном костюме, слегка потертом, с папкой в руке. С минуту он молча рассматривал помятое лицо Туманова, потом сказал:

– Я заместитель прокурора города, Липков.

Федор тоже не терял времени даром и, в свою очередь, тоже успел рассмотреть пришедшего. Кивнул головой.

Этот человек в представлении не нуждался. Многим операм довелось познакомиться с Липковым. В городской прокуратуре он занимал должность заместителя по надзору за криминальной милицией. И все, кто имел с ним дело, оставались не в восторге. Он был известен еще и тем, что был служакакой беспристрастным и на все смотрел через букву закона. И как поговаривали, ради соблюдения закона он и мать родную не пожалеет. И если уж он удостоил Федора своим присутствием, стало быть, дела действительно дрянь у опера Туманова.

Взгляд Липкова сделался жестким, словно перед ним находился человек, которому предстояло вынести обвинение. Для начала своим жестким взглядом он смерил Федора с головы до ног.

Туманов был на голову выше его ростом, и это не нравилось заместителю прокурора. Но он свою значимость определял теперь не ростом, а должностью. И некоторое время стоял, раскачиваясь с мыска на пятку, как бы испытывая терпение Федора. Потом спросил:

– Вас, наверное, интересуют, за что вы задержаны? – Голос при этом у Липкова зазвучал издевательски.

Федор старался казаться спокойным, хотелось верить, что это заточение всего лишь недоразумение, которое скоро разрешится. Но Липков задал такой вопрос неспроста. И Туманов напрягся.

– Да хотелось бы узнать. Если, конечно, это не является государственной тайной, – стараясь не терять чувство юмора, произнес Федор.

Строгий заместитель прокурора скупно улыбнулся, если это можно было назвать улыбкой.

Глядя на его каменное лицо, создавалось впечатление, что улыбка этому человеку просто недоступна. Она только мешает ему.

– Мне нравится, что вы не раскисаете, как некоторые ваши коллеги. И даже еще можете шутить, – заметил Липков и тут же добавил: – Что ж, пошутите пока. Потом, я думаю, вам будет уже не до шуток.

Федор решил не вступать в ненужную полемику. Тем более что в сложившемся положении это может только ему навредить.

А Липков, видя, что Федор готов его слушать, сказал, как будто обрадовавшись чему-то такому, чего пока еще не знал задержанный оперативник:

– Так вот, Федор Николаевич. Ваше задержание никак не может считаться тайной. И уж никак не государственной. Скоро сюда приедет ваше начальство, и вам будет предъявлено обвинение.

Больше Федор молчать не мог. «Обвинение? О чем он? В чем меня хотят обвинить? Уж не в изнасиловании ли официантки из кафе?» – подумал он и спросил у Липкова:

– Тогда скажите, в чем меня обвиняют? Надеюсь, не в изнасиловании?

И опять уголки губ строгого заместителя прокурора чуть опустились, обозначив едва заметное подобие снисходительной улыбки.

– Нет, не в изнасиловании, – сказал он повеселевшим голосом, явно радуясь той реакции, которая сейчас отразится на лице капитана. Вот когда уж ему точно будет не до шуток. И Липков заранее злорадствовал, какая у Туманова будет рожа.

– У вас статья похуже. Вы обвиняетесь... – Он нарочно сделал паузу, чтобы пощекотать нервы капитана, кашлянул и объявил: – В убийстве!

Федор стоял и молчал, переваривая в башке все, что сказал заместитель прокурора Липков. А подумать было над чем. Ведь обвинение в высшей степени серьезное.

Сердце заныло. «Неужели я вчера за этим проклятым кафе отличился? Нет, тут что-то не так. Не мог я. Черт! И зачем только взял с собой пистолет? Вот, теперь вляпался по самую ж... Эх, Туманов, Туманов». Федору не хотелось представлять, какие мытарства ожидают его впереди за содеянное. Но может, этот Липков разберется как следует. Нет, не того полета он птица. Он – прокурорская шишка. А не следователь, который будет вести дело. Следователь обязан объективно рассмотреть все «за» и «против».

Но тут же Туманов разуверился в своих домыслах, понимая, что вряд ли такое произойдет. А следователь будет опираться на факты и, скорее всего, постарается побыстрее передать дело в суд.

– Послушайте, я никого не убивал. Здесь что-то не то. Вы располагаете какими-то доказательствами?

Вместо ответа Липков достал из папки небольшой целлофановый пакет, в котором лежал «ПМ» и рядом пустая обойма. Патроны были рассыпаны по пакету.

Федор быстренько пересчитал их. Не хватало одного патрона.

Липков внимательно наблюдал за тем, как изменилось у Туманова лицо. «Что, голубчик, вляпался?» – так хотелось ему спросить. Какое самонадеянное лицо было у него в самом начале беседы и какое стало сейчас. Он жалок, этот опер, капитан. Сейчас он – существо, угодившее в капкан.

– Это ведь ваш пистолет?

Федор судорожно сглотнул горькую слюну. Воды бы попить. Во рту пересохло. Но в этой камере даже крана нет. И его словно нарочно бросили сюда на выживание. А сколько ему здесь торчать, один бог знает. Ничего не скажешь, радушный прием. Когда-то он сажал уголовников и подозреваемых в преступлениях, а сейчас сам угодил в «каюту». Вот радость будет для всех, кто имеет на него зуб!

– Я вас спрашиваю, вы узнаете свой пистолет? Если хотите, можете глянуть на номер.

На номер Туманов смотреть не стал. Свой пистолет, конечно же, узнал сразу. Только не думал, что верный дружок так подставит его.

– Мой пистолет, – немного осипшим голосом произнес Федор, ожидая, что еще выдаст на радостях Липков. Если уж грузить, то сразу.

Теперь заместитель прокурора на радостях потирал руки, подумывая: «Ну что, капитан, теперь ты мой. Лучше признавай свою вину, и разойдемся красиво. Ты к себе в каменную каморку, а я, уж извини, в свой кабинет. Разные у нас пути».

– Так вот, Туманов, – тон у Липкова сразу сделался официальным. – Из вашего пистолета вчера возле кафе «Весна» был убит гражданин Гришин. Желаете сделать заявление? – чуть прищурившись, спросил заместитель прокурора, словно норовил заглянуть Туманову в душу.

Федору хотелось схватить этого самодовольного болвана за ворот его белоснежной рубашки и хорошенько встряхнуть. И чтобы удержать себя от этого столь рискованного желания, он убрал руки за спину.

– Да. Я желаю сделать заявление. Никакого гражданина Гришина я не знаю. И никого я вчера не убивал. Понятно вам? – Прозвучало это несколько вызывающе, что особенно не понравилось Липкову. И Федор понял, что перегнул немного. Не надо так с Липковым, и дальнейшее уже произнес мягче, спокойнее:

– Поймите, я вам говорю правду.

– Хорошо. Попытайтесь доказать вашу невиновность. Если вы меня убедите, я вас сейчас же выпущу из камеры под подписку. Если не сможете... Ну, что же вы молчите? Я готов выслушать ваши доводы, – сказал Липков, делая вид, что набрался терпения и теперь дело за Федором. Хотя и знал, никакими доказательствами тот не располагает.

Стоящий за спиной Липкова прапорщик со связкой ключей в руках от скуки зевал и недружелюбно посматривал на Федора, в любой момент готовый огреть его резиновой палкой по спине. Наслушался он здесь, насмотрелся и не такого. Некоторые менты, попав сюда, такую истерику закатывают, что заслушаешься. Ну, прямо оперетта. В театр ходить не надо. Уж так воют на разные голоса, чтобы доказать свою правоту. Только зря. Раз попал сюда, значит, за дело. А к преступникам у прапорщика отношение одно: чуть что не так, резиновой палкой по ребрам. Чтоб не забывали, где они.

И этого капитана он бы с удовольствием отходил по спине. Не нравится он прапорщику. Говорит много, а все впустую. Не верит ему заместитель прокурора, потому что имеет неопровержимые доказательства на руках. А капитан ерепенится зря. Попался, так будь поговорчивей.

– Ну, я жду ваших доказательств, – напомнил о себе Липков, чувствуя, что эта беседа начинает его утомлять. Разговаривать он привык сидя за столом, в мягком кресле, а тут приходится стоять. И оттого в ногах появилась усталость.

– Как я могу доказать свою невиновность? – несколько растерянно спросил Федор, начиная понимать всю безнадежность своего положения.

Но Липков только руками развел, давая понять, что помогать Туманову не намерен. Он не защитник, а обвинитель.

– Не знаю, – сказал он, желая поскорее закончить разговор, и посоветовал: – Я думаю, вам есть смысл нанять опытного адвоката. Может, ему и удастся доказать что-то в вашу пользу. Но, знаете, – призадумался Липков, – на мой взгляд, это пустое. Вы, вероятно, вчера так напились, что ничего и не помните.

Федор решил сказать пару слов в свое оправдание, чтобы Липков не посчитал его зако-ренелым пьницей.

– Да выпил я не много, – про выпитую водку, по случаю рождения Шубина-младшего, он решил умолчать и сказал: – Две бутылки пива в кафе.

Но Липков сразу заподозрил Туманова во вранье.

– И с двух бутылок пива вас так развезло? Не смешите. Вы даже не смогли убежать после совершенного убийства. Вас подобрали патрульные милиционеры. Вы лежали рядом с трупом с пистолетом в руке. Спали. Спокойненько храпели рядом с трупом человека, которого только что застрелили, – последние слова заместитель прокурора буквально прокричал в лицо Федору, так он был возмущен его поступком. – Человек, которому народ оказал дове-рие защищать его, и вдруг убийца! Как вам это?

Федор решил избрать тактику молчанки и не раздражать Липкова.

Зато Липков молчать не собирался. Он чувствовал себя обвинителем, которому народ дает право выносить суровый приговор таким отморозкам, как капитан Туманов. И голос его звучал звонко, эхом отдаваясь в тишине длинного коридора:

– Это, извините, что-то! Сначала драка в кафе, о которой вы, наверное, тоже ничего не помните? Как сцепились с Гришиным?.. А потом, уже на улице, решили расправиться со своим обидчиком при помощи оружия. – Он поднес к лицу Федора пакет с пистолетом.

Теперь до Федора стало смутно доходить, кого он, по утверждению Липкова, отправил на тот свет. Но в одном обвинитель был не прав: драки как таковой не было. Ну, сцепились, хотя Федор к тому парню ничего не имел и не понимал, почему он полез на него. «Наверное, он любитель помахать кулаками», – решил Федор про бедолагу. Хотя еще неизвестно, кто из них бедолага. Ведь Федору тоже не светит сидеть тут в камере. А если докажут вину и осудят... Думать об этом не хочется. Да и чего тут возиться, доказывать, если его взяли с пистолетом в руке на месте преступления? Это уже приговор.

– Скажите, а других отпечатков на пистолете нет? – умоляюще спросил Федор, заранее определяя, каков будет ответ. И не ошибся.

– Нет, – довольно резко ответил Липков и добавил: – Только ваши. – Его очень раздра-жало, что Туманов не желает признать свою вину. И жалости в его строгих глазах Федор не находил.

– Но ведь там, в кафе, были свидетели... Этот парень... Там он был не один. За сто-ликом с ним сидели еще двое. Вероятно, его приятели. Они наверняка все видели. Надо их найти.

– Бармен кафе сказал, что, скорее всего, это случайные люди. Посидели, попили пива. Да и где их искать? – произнес Липков перед уходом.

Оставшись один в камере, Федор упал на кровать. От обиды хотелось заплакать. Лип-ков прав, тех двоих никто искать не будет. Но ведь Федор видел, когда они с парнем вышли на улицу, те пошли следом. А зачем, если они случайные люди? А может, и не случайные?

В этом и кое в чем другом ему теперь может помочь только адвокат.

Глава 9

Адвокат Усков показался Федору слишком суетливым. Он не вошел, а буквально влетел в следственную камеру, успев схватить руку Туманова для рукопожатия.

– Здравствуйте. Фамилия моя – Усков. Валерий Павлович.

– Как Чкалов, – не слишком остроумно заметил на это Федор.

Усков вытаращил на него глаза, облаченные в толстые линзы очков.

– Простите. Не понял. Это вы к чему?

Федор улыбнулся, хотел этим расположить адвоката, но тот оказался человеком весьма серьезным.

– Да имя и отчество у вас, как у летчика Чкалова, – объяснил Федор.

– Имя, отчество? – Усков недоуменно поморгал глазами, шмыгнул носом и сказал как бы с обидой: – Это к делу не относится. Давайте по существу вашего дела.

Предложение было дельным, и Федор согласился, сразу сделавшись серьезным. Хотя в душе не очень-то верил, что Ускову удастся вытащить его отсюда.

Как и все адвокаты, он занимается сразу несколькими уголовными делами и, даже находясь здесь с Федором, успел заглянуть в записную книжку и сделать пару звонков по сотовому. Потом Усков раскрыл свой кейс и вытащил из него несколько исписанных листов. Быстро пробежал глазами по тому, что в них было написано, и сказал как-то с безразличием:

– Видите ли, коллега... Позвольте мне вас так называть? Ваше начальство сказал, что вы юрист по образованию. И к тому же опытный оперативник...

– Называйте хоть горшком, только в печь не суйте, – ответил Федор, угадав по настроению адвоката, что толку не будет. Потому что он не верит в успех этого дела. Он, как человек крайне занятой, будет бултыхаться по поверхности и не захочет углубиться в самую суть того, что пока еще остается для Федора тайной.

А на поверхности что? Только факт убийства молодого парня и пистолет с отпечатками Федора. И адвокат не знает, как при таком раскладе выстроить защиту, чтобы стало ясно – его подзащитный не виноват. Это очень сложно, а главное, хлопотно по времени. И вполне может получиться, что доказать невиновность подзащитного не удастся. Опытный Усков это понимает и не хочет марать руки. В успех он не верит, хотя и не хочет разочаровывать капитана Туманова.

– Горшком я вас, разумеется, называть не стану, и знаете что, коллега, давайте оставим фольклор и поговорим серьезно? – предложил адвокат, внимательно вглядываясь в лицо Федора и обдумывая, как бы это помягче сказать ему о той безнадежности, которая поджидает их обоих. Усков к ней готов. А вот как отреагирует Туманов, для него пока неизвестно.

– Знаете... – адвокат помедлил, но тут же заговорил более категорично: – Скажу прямо, ваше дело – дрянь. Все улики против вас.

Федор кивнул, относясь ко всему сказанному довольно спокойно. А чего он еще ожидал услышать? Задело только одно: неужели и этот олух считает его убийцей? Вот с чем не хотелось мириться.

– Послушайте меня внимательно, коллега, – подчеркнуто произнес Туманов, склонившись ближе к адвокату, – я не убивал того парня. Не убивал! – повторил он по слогам. Может, так дойдет до Ускова.

– Но улики? Экспертиза подтвердила, что гражданин Гришин застрелен из вашего табельного пистолета... – начал было адвокат, но Федор довольно резко прервал его лепетание:

– Из моего, но не мной. Понимаете, о чем я?

Адвокат опять захлопал глазами и помотал головой.

– Честно говоря, нет. Вы хотите сказать, что кто-то другой взял ваш пистолет, застрелил этого Гришина и вложил пистолет вам в руку? Так, что ли?

– Именно. Это я и хочу сказать, – кивнул головой Туманов, вздохнув облегченно. Хотя и с трудом, но до адвоката доходит. Значит, не такой уж он безнадежный защитник.

Усков попытался сопротивляться. Ему много раз доводилось слышать подобные при сказки о невиновности подследственных. Но потом, на деле, все оказывалось по-иному. Поэтому он не спешил убедить себя, что милицейский капитан говорит правду. Спросил Федора:

– А вы сами-то в это верите? – Перед этим он внимательно прочитал объяснения, взятые с бармена и официантки, рапорта милиционеров, обнаруживших Туманова на месте преступления с пистолетом в руке.

И во всех этих бумагах указывалось, что Федор был в такой стадии опьянения, что ничего не соображал.

Немного смущало одно, что отсутствовало медицинское заключение, доказывающее степень опьянения. Но, наверное, это было и не обязательно, если он напился до чертиков и не смог скрыться.

– Верю, адвокат. Потому что я действительно не убивал того парня. В худшем случае я мог набить ему морду.

– Но ведь вы были сильно пьяны, – не упустил напомнить адвокат. – Могли просто не помнить, как нажали на курок...

– Не мог, – категорично заявил Федор, стараясь изо всех сил, чтобы Усков поверил ему. Сейчас это было очень важно.

– Почему? – не отступал Усков. Он согласен поверить, но для этого необходимы существенные доводы. А пока Федор их не находил. Но свою невиновность Ускову доказывал горячо.

– Да потому, что у меня и мысли не было убить того человека.

– Это еще ничего не значит, – криво усмехнулся Усков. – Мысль могла прийти в вашу голову во время драки.

Федору оставалось согласиться. По здравом рассуждении, Усков был прав.

– Ну, хорошо. Допустим, могла. Но как вы тогда объясните это? У сослуживца родился сын. Мы посидели немного. Я выпил три стопки водки. От силы граммов сто пятьдесят. Не больше. Потом я пришел в кафе. У меня там была назначена встреча с одним человеком.

– Уж не с покойным ли Гришиным? – съязвил Усков, хотя внутренне был настроен к Туманову дружелюбно. Ехал сюда, ожидал увидеть подавленного горем человека, готового целовать своему спасителю, то есть адвокату, руки. А вместо всего этого перед ним личность, не упавшая духом и вдобавок реально мыслящая.

– Нет, не с Гришиным, – серьезно ответил Туманов, не заметив язвительности адвоката. – Этот Гришин, когда я вошел, уже сидел там вместе с двумя мужиками. Водку пили. Но суть не в этом. Хотя приятелей тех его не мешало бы разыскать. Уверен, они многое могли бы прояснить. Я сказал Липкову...

– Заместителю прокурора города?

– Ему, – кивнул Федор и продолжил: – Так вот в этом проклятом кафе я выпил пару бутылок пива. Причем почувствовал, что после первой бутылки меня здорово цапануло. В руках и ногах появилась слабость. Голова кружится. А после второй меня и вовсе повело.

– То есть вы хотите сказать, в пиво было что-то добавлено? – заинтересовался Усков.

Федор устало кивнул.

– А бутылки были откупорены? – Вопрос адвоката прозвучал осуждающе. Если он опытный опер, а именно так отзывалось о нем начальство в управлении, то как мог лохануться? Почему не потребовал, чтобы принесли другие бутылки, закупоренные?

Федор только руками развел, буркнув при этом виновато:
– Я посчитал, что у них так принято.
А въедливый Усков уже следующий вопрос подбрасывает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.